

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЬГИН

Новый роман от звезды
Проекта S.T.A.L.K.E.R.

ФОРМУЛА ВЕЧНОСТИ

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Формула Вечности

Серия «Сыщик Туманов», книга 2

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179326

Шалыгин В. В. Формула Вечности : фантастический роман : Эксмо;

М.; 2009

ISBN 978-5-699-33277-9

Аннотация

Его имя Виктор Туманов. Профессия – частный сыщик. Место жительства – Россия. А вот кто он по сути – Вечный или Хамелеон? Или ни то, ни другое? Поначалу Туманов не задумывался о своей роли в извечной борьбе враждующих кланов бессмертных со сверхчеловеческими способностями. Он просто выполнял очередной заказ – обнаружить, захватить, в крайнем случае убить обезумевшего Хамелеона, даже не побрезговав приманкой в виде девушки Жени, с которой только что переспал. Но попавшийся в ловушку Хамелеон пробудил в душе сыщика сомнения. Ведь не исключено, что он и есть тот самый мальчик, так и не найденный двести лет назад надворным советником Лукьяновым. Плод запретной любви. Избранный из древнего пророчества. И просто человек, которому предстоит со всем этим разобраться...

Содержание

Часть I

4

Конец ознакомительного фрагмента.

112

Вячеслав Шалыгин

ФОРМУЛА ВЕЧНОСТИ

Часть I

Круги на воде

Стук подков по мостовой и мерное поскрипывание кареты убаюкивали, но мелкая неприятная тряска не позволяла задремать. Ни мягкое сиденье, ни новые английские рессоры с ней не справлялись. Каждый булыжник, каждая кочка ощущалась спиной, вернее, ее основанием. Князь Шуйский недовольно поморщился. Трястись по булыжникам до Царицына, а затем еще дальше по грунтовой дороге до наконец-то законченного «подмосковного Версаля» представлялось весьма утомительным делом. Но не взглянуть на шедевр архитектора Баженова, по словам очевидцев, не уступающего в красоте и роскоши творениям его западных коллег, Шуйский не мог. Чтобы авторитетно рассуждать на балах и светских приемах о новостях, следует узнавать о них лично. Когда речь идет о дворцово-парковом ансамбле, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Нет, если бы Шуйскому предложили оценить архитектурную новинку где-нибудь под Парижем, он вряд ли бросил бы все дела и отправился во

Францию. Просто попросил бы Антуана, коллегу из парижского отделения Цеха, прислать подробное описание и эскизы. Но в случае с «царицынским Версалем» все было проще. К тому же небольшой вояж располагал к размышлениям и спокойному анализу важнейших событий последнего времени. В городской суете на это просто не оставалось времени.

На очередной кочке карету ощутимо трянуло, и Шуйский вновь поморщился. Если бы еще не трянуло седоков в карете, будто кости в стаканчике игрока, думалось бы и во все замечательно.

– Эти дороги – наша вечная беда, – словно угадав, о чем думает Шуйский, пробормотал сидящий напротив человек. – Сдается мне, никогда не научимся прокладывать их, как в Европе.

– Вы правы, сударь, – Шуйский взглянул в окно. – Но учтите, в Европе дороги прокладывали еще во времена Рима. Именно прокладывали, а не протапывали. В России нет такой школы. Однако природа у нас замечательная и жить проще. А что до качественности дорог... к чему нам лучше? В случае военной кампании они станут дополнительной естественной фортификацией на пути неприятеля.

– А на пути собственных войск?

– Граф Суворов способен провести наши войска и не по таким тропам, – Шуйский коротко рассмеялся. – Помните, какие дороги были под Туртукаем или Козлуджей. Однако ничего, прошли и разбили турок наголову.

– Талантливый генерал, – собеседник кивнул. – Не проиграл ни одной баталии.

– И не проиграет – помяните мое слово.

– Думаете, турки не успокоятся?

– В ближайший год дело ограничится мелкими стычками, я уверен. Однако на прочный и долгий мир рассчитывать не следует. Они обязательно попытаются вернуть Крым. Тут-то и пригодятся полководческие таланты графа Суворова и адмирала Ушакова. Однако, сударь, мы отвлеклись от нашей первоначальной темы. *Mea culpa*¹, задумался и перескочил на иные проблемы. Вы имеете еще донесения?

– Да, ваша светлость, – собеседник вынул из дорожной сумки несколько бумаг. – Я не позволил себе провести сортирование, не в моем праве решать, что оставить для изучения бригадирам архива, а что предложить вам, мастер, по-сему...

– Полноте вам, милостивый государь, – Шуйский поднял руки. – Я доверяю вашей опытности. Изложите кратко, о чем прочие бумаги, и мне подайте самые важные. Желательно одну-две, времени мало, мы вскоре прибываем.

– Среди прочих важнейшая новость из Санкт-Петербурга. Нам сообщают, что не позднее апреля императрица должна подписать грамоту на права и преимущества дворянства.

– Разве у него мало преимуществ? – Шуйский усмехнулся. – Впрочем, законодательное их закрепление будет

---

¹ Моя вина (лат .).

нелишним. Хорошо, я изучу документ позже. Что сообщают из Европы? Имеются ли обычные для нее курьезы?

– Без чудачеств Европе было бы скучно, ваша светлость, – собеседник улыбнулся. – Француз Бланшар перелетел Ла-Манш на воздушном шаре.

– Завидую, – Шуйский вздохнул. – Его наверняка изрядно поболтало от ветра, но не растрясло, как нас в этой карете. Что еще?

– Сэр Джеймс Уатт представил в Лондоне новую высокооборотную паровую машину. Она значительно совершеннее модели 1769 года и способна приводить в движение не только валы промышленных станков, но и многопудовые повозки. Думаю, за такими машинами будущее.

– А вот это не только любопытно, но и полезно, – Шуйский задумчиво прищурился. – Наверняка паровой тягой можно будет оснастить и суда.

– Конечно, ваша светлость, такие работы уже давно ведутся в той же Англии и во Франции. Маркиз Д'Аббанс уже десять лет занят экспериментированием с паровыми машинами на судах. В прошедшем году он показывал в Лионе свое новейшее судно на паровой тяге. Оно развивает немислимо быстрый ход. – Собеседник порылся в бумагах. – Еще любопытны новые открытия королевского астронома Гершеля... вот донесение. В дополнение к обнаруженной недавно планете Уран он нашел несколько спутников на ее орбите. Если так пойдет и дальше, очень скоро люди в корне пересмотрят

свое представление о Вселенной.

– Африканские догоны имеют верное представление о ней несколько тысяч лет кряду, а толку? – Шуйский пожал плечами. – Никаких практических выводов из этих знаний люди не сделают еще весьма и весьма долго.

– Как знать наперед? – собеседник покачал головой. – Король Георг Третий высоко ценит образованность и проницательный ум Уильяма Гершеля и всячески потакает ему в исследованиях. Год тому назад астроном предположил, что Солнечная система движется в пространстве. Что он откроет завтра? Множественность галактик? Темные миры?

– Главное, чтобы не открыл Вечность, – Шуйский интонацией дал понять, что беседа подходит к завершению. – Довольно о прочих известиях, любезный, мы подъезжаем. Доложите о новостях Цеха. О главной новости, как вы сами считаете.

– Помилуйте, ваша светлость, – собеседник улыбнулся. – Я только бригадир и согласно табели о рангах не имею доступа к главным новостям Цеха. Равно, как статский советник не имеет возможности вникать в дела действительного тайного советника, а уж тем более – канцлера. Это ваша вотчина, мастер. Могу доложить лишь о том, что стало главным для меня и моей канцелярии.

– Это я и хочу услышать. – Тонкий намек собеседника на возможное вскоре назначение на должность главы цехового Совета, в гражданской табели о рангах – канцлера, Шуйский

пропустил мимо ушей. Пока не время об этом говорить. Даже с ближайшими помощниками. – И, пожалуйста, сударь, изъясняйтесь нормальным языком. Я порядком устал от придворной словесности. Есть ли на нашей территории Хамелеоны?

– Есть, мастер. Но это не самое худшее.

– Кто-то погиб?

– Нет.

– Что же тогда?

– Даже не знаю, как об этом доложить, мастер... – Собеседник протянул Шуйскому бумагу: – лучше прочтите. Это не займет много времени. Донесение весьма краткое.

Шуйский взял документ и пробежал взглядом по короткому тексту. Дойдя до последней точки, мастер издал невнятный звук – то ли хмыкнул с недоверием, то ли выразил свое удивление – и перечитал донесение повторно, теперь вполголоса:

– *«Санкт-Петербург, 1785 года от Р.Х. 12 марта. Срочное донесение в тайную канцелярию Цеха, лично бригадиру Цеха статскому советнику Мартынову. Имею сообщить о противной Вечному естеству амурной связи неизвестного представителя (либо представительницы) Цеха и Хамелеона (либо самки одного вида), имевшей место быть летом 1784 года от Р. Х. Достоверно не выяснено, какого пола в этой паре был Хамелеон, однако смею предположить, что это была самка. Резоны просты: будь мать Вечной, скрыть*

*graviditas*² ей было бы трудно, а удержать в тайне рождение младенца почти невозможно. Ребенок же, в конце февраля сего года родившийся от противной естеству и закону связи, был вовремя спрятан от охотников Цеха. Сие означает, что появление младенца на свет божий проходило вдалеке от обозреваемых Цехом территорий. Развивая сию версию, смею предположить, что отец, то бишь помрачившийся рассудком Вечный, сумел скрыть свое болезненное пристрастие к самке Хамелеона, ибо имеет свободу перемещений и занятий, а посему не находится постоянно в поле зрения тайной канцелярии Цеха. Таковых вольных художников и странников в Цехе наперечет, но усилий наших сей факт не облегчит. Подозревать в столь тяжком грехе кого-либо из Вечных мужеского пола нет решительно никаких причин. Из последнего постулата вынужден сделать неутешительный вывод: нельзя исключать и вторую, менее вероятную, версию (мать Вечная, отец Хамелеон), которая совершенно запутывает следы, как душевнобольных родителей, так и достойного кунсткамеры отпрыска. Следствие продолжается. Товарищ бригадира Цеха надворный советник Лукьянов».

Дочитав, Шуйский несколько минут помолчал, затем пробормотал что-то насчет «не лучшего и чересчур вольного штиля» донесения и вопросительно взглянул на собеседника. Тот снова угадал, о чем желает спросить мастер, и кивнул.

---

² Беременность (лат.).

– Я проверил, все правда. Мы с Лукьяновым допросили хозяйку тайного дома свиданий, повитуху и нескольких посадских. Амурная парочка встречалась какое-то время в маленьком домике на окраине столицы. Имен своих не называли, ни с кем особо не общались, одеты были скромно, но платили хорошо. К тому же за версту было видно, что не простые они люди. От бремени дамочка разрешилась там же. Ребенка тут же увез отец. После этого никто их не видел.

– Где доказательства, что это были не люди, а Хамелеон и Вечный?

– Запах, мастер. У хозяйки дома осталась часть гардероба любовников и перины. А еще, и это главное, у нас имеются телесные образцы.

– Младенца?

– Неизвестно, – собеседник вынул из кармана маленький стеклянный флакончик с хорошо притертой крышкой. – Возьмите, мастер.

– Что в нем? – Шуйский поднял пузырек и взглянул на просвет. – Я ничего не вижу.

– На дне несколько крупиц засохшей крови, – пояснил собеседник. – Откройте склянку, мастер, и поднесите к носу. Только осторожно. Запах весьма силен.

Шуйский откупорил флакончик, потянул носом и тут же закрыл. Судя по выражению лица, теперь мастер был целиком и полностью согласен с версией подчиненных.

– Это правда, – мрачно глядя на флакончик, констатиро-

вал Шуйский. – Кровь пахнет и Хамелеоном, и Вечным. Не представляю, как этим душевнобольным любовникам удалось преодолеть врожденный гнев, но это случилось. Кто в Цехе об этом знает?

– Четверо. Ваша светлость, ваш покорный слуга, мой товарищ Лукьянов и... фигурант рапорта.

– Никому, – Шуйский спрятал в карман камзола склянку и поднял кверху указательный палец. – Слышите, бригадир? Никому! Даже под страхом смерти!

– Смерть я как-нибудь переживу, – собеседник усмехнулся. – Слушаюсь, мастер.

– Такой же приказ отдайте вашему товарищу. – Мастер аккуратно сложил бумагу и спрятал в другой карман. – Этот документ – настоящая пороховая бочка с подожженным фитилем! По-хорошему его следует вообще уничтожить и забыть о содержании, но закрывать глаза на проблему – это не выход. Слишком опасно. Покуда мы не найдем этого... выродка и не уничтожим его, тайная канцелярия Цеха не должна смыкать глаз. Знать, кто он на самом деле, будем лишь мы, для всех остальных это будет очередной Хамелеон. Вам ясно?

– Да, мастер. Один вопрос: что отвечать охотникам по поводу гнева? В случае с выродком наше чутье может подвести. Вы ведь заметили, он пахнет одновременно и Хамелеоном, и Вечным.

– Отвечайте, что в этом и заключается его особая опас-

ность. Он умеет не только становиться невидимкой, но и надевать маску Вечного, хотя пока лишь младенец. Что поделаться, и среди Хамелеонов встречаются выдающиеся особи. И потому его следует отыскать и уничтожить до наступления Оптимума.

– Его родитель может оказать сопротивление.

– С обычными Хамелеонами вы всегда справлялись успешно, разве не так?

– Так, мастер, но... учитывая, что у этого Хамелеона в Цехе имеется шпион... я опасаясь упреждающего удара. Хамелеон может начать охоту на тех, кто попытается найти его сына.

– Если мы имеем дело с самкой Хамелеона, нападение маловероятно. Женские особи этого вида редко становятся охотниками. Но на случай, если Хамелеон – это отец выроodka, я приму меры. И моя, и ваша охрана будет усилена. Еще вопросы?

– Все понятно, мастер.

– А коли понятно, ступайте. – Шуйский постучал в переднюю стенку кареты.

Экипаж остановился, один из двух офицеров, сидевших на козлах, прыгнул и открыл дверцу кареты. Когда собеседник Шуйского вышел, офицер, подчиняясь жесту мастера, снял шляпу, втиснулся внутрь экипажа и занял освободившееся место.

– Не набей шишку, – мастер усмехнулся, глядя, как двух-

метровый гренадер сутулится, чтобы не упереться макушкой в потолок, и пристраивает поудобнее шпагу.

– Дозвольте мне снаружи остаться, ваш свет, – взмолился офицер. – Дюже тесно тут у вас.

– Не позволю, – Шуйский сделался серьезным и сменил тон, сбрасывая маску князя. – Надо обсудить дела Цеха. Снова красный штандарт над нашим бастионом, Джонатан.

– А-а, понятно, – с лица офицера также сползла маска туповатого вояки, а в глаза вернулась характерная для взгляда Вечных глубина. – Тайная канцелярия донесла?

– Она самая, Джонатан. Будешь при мне до поры до времени. Пока мартыновские охотники тварь не поймают. Так что придется потерпеть и низкие потолки, и светские разговоры. Знаю, их ты еще более не любишь.

– Понятно, мастер, – Джонатан кивнул. – Не впервой, потерпим. Хамелеон-то один?

– Один. Но особо хитрый. Охота может затянуться. Надолго затянуться.

– Мне с вами любые неудобства не в тягость, мастер, вы же знаете. Буду вашей тенью, сколько потребуется. Любого Хамелеона голыми руками за вас удавлю!

– Знаю, Джонатан, спасибо тебе. Но надеюсь, его удавят охотники. Нам и без того найдется дел. Время сейчас непростое, нервное, бурное. Не то что лет двести назад. Столько новых знаний вокруг, событий, изобретений, открытий... просто новая эра начинается, никак не меньше. За всем усле-

дить очень сложно, а надо.

– Надо? Зачем вам обо всем знать? На пост главы цехового Совета метите? – Джонатан спрятал усмешку. – Слыхал. Но думал, брешут.

– И ты туда же? – Шуйский тоже усмехнулся. – Не знал бы тебя пятьсот лет кряду, дал бы затрещину. Язык-то придержи, говорить об этом пока не время, а уши и у стен бывают.

– А что я сказал? – Гренадер поерзал, пытаюсь устроиться поудобнее. – 1785 год от Рождества Христова, а ездим, как при Генрихе Третьем. Кареты попросторнее никто не изобрел, вы не знаете?

– Изобретут, Джонатан, и очень скоро, поверь мне на слово. На паровой тяге кареты будут ездить, лошадей не надо. И по воздуху летать будем. Из Санкт-Петербурга в Париж за сутки. А то и быстрее. Все будет, наберись терпения.

– У бессмертного терпения хоть отбавляй, – Джонатан вздохнул. – Иначе и быть не может. Иначе ты не бессмертный, а живой труп...

...Бригадир Мартынов и товарищ бригадира Лукьянов вели поиски посягнувших на чистоту вида преступников более десяти лет. Ни родителей, ни отпрыска бессмертные так и не нашли, а потому были вынуждены закрыть дело и сдать все накопившиеся материалы в цеховой архив.

Мастер Шуйский лично проследил за тем, чтобы на папку была наложена большая цеховая печать, взломать которую

имели право лишь глава Совета и Смотритель. Причем о содержимом папки, кроме мастера и двух следователей, никто из прочих Вечных так и не узнал.

И лишь два века спустя мастер Шуйский вновь открыл эту архивную папку. Открыл, чтобы уже не закрывать до полного разрешения всех накопившихся проблем.

* * *

Вражеское кольцо сжималось, и Хамелеон нервничал все сильнее. Он постоянно озирался, пытаясь по косвенным признакам определить, откуда будет нанесен удар, но бессмертные маскировались не хуже самого Хамелеона. Нет, становиться по желанию невидимками они не научились, зато умело использовали в качестве укрытий любые рукотворные объекты и неровности местности. Единственное, что Хамелеон знал о диспозиции противника, – все машины бригады цеховых охотников остались на обочине Третьего транспортного, под запылившимся билбордом «Сочи-2014».

Неясное представление об оперативной обстановке крайне раздражало Хамелеона, и он срывал свою злость на Жене, подгоняя ее грубыми толчками в спину. Девушка шла, будто робот, механически переставляя ноги и глядя только вперед. После всего, что ей довелось пережить, было удивительно, что она вообще держится на ногах. Другая на ее месте давно рухнула бы без сил. Но на месте Жени не было никого дру-

гого. И поблизости не было никого. Только она сама. Хрупкая, но сильная и стойкая. Это внушало уважение, однако не обманывало. Дело было не в железном характере. Просто Женя надеялась выкрутиться из ситуации с помощью бессмертных. Она не хуже Хамелеона знала, что они близко и что обязательно попытаются ее выручить. Обязательно и хотелось бы как можно скорее.

Хамелеон в сотый раз оглянулся. Появление на горизонте Вечных было делом ближайшего времени. Буквально минут или даже секунд. Иллюзий на этот счет Хамелеон не питал и был готов встретить противника со всей возможной «теплотой».

Расчет времени оказался точным. Хамелеон и его спутница успели сделать всего пару шагов по железнодорожной насыпи вдоль длинной стены депо, и нервное ожидание наконец закончилось. Вечные сделали первый ход.

Несмотря на внутреннюю готовность к неожиданностям, возникший на пути бессмертный все-таки стал для Хамелеона неприятным сюрпризом. Он предпочел бы встретиться с кем-нибудь из настоящих охотников, а не с этой хитрой ищейкой. Нет, с одной стороны, такой оппонент в качестве разминки был предпочтительнее, но с другой – конкретно этот Вечный был Хамелеону неудобен. Бывает такое. Вроде бы противник слабее, но то ли дерется в нестандартной стойке, то ли давит как-то морально. Трудно объяснить, в чем тут дело, но такое случается довольно часто. Сыщик Виктор

Туманов был для Хамелеона именно таким неудобным противником. Вот почему, когда сыщик пролез под стоящим в тупике вагоном и появился перед беглецами, словно чертик из шкатулки, Хамелеон недовольно скрипнул зубами.

Впрочем, зубовой скрежет ситуацию исправить не мог, поэтому Хамелеону пришлось реагировать и другими способами. Он резко остановился, ухватил Женю за шею и спрятался за нею как за щитом. Внушительных размеров пистолет с лазерным прицелом Хамелеон направил на сыщика, но, как только он это сделал, произошло нечто невероятное. Силуэт Вечного подернула пелена, и Туманов растворился в сером облаке. Невероятным было то, что применять такого рода маскировку умели исключительно Хамелеоны. Получалось, что сыщик не бессмертный, а тоже Хамелеон? Но самих Хамелеонов этот фокус обычно не обманывал, друг друга они видели без проблем. Выходит, Туманов и не тайный сородич, а кто-то еще? Но кто?

Это открытие обескуражило Хамелеона, и он занервничал еще сильнее. Напряжения в обстановку добавило и то, что Хамелеон никак не мог определить, где в этой мутной завесе прячется сыщик. Каким-то непостижимым образом особый видовой талант не просто дал сбой, а сыграл с Хамелеоном злую шутку – обернулся против него. Вместо того чтобы спрятаться от бессмертного за таким же облачным серым пятном, он «ослеп» сам. Он вроде бы помнил место, где Туманов появился в поле зрения, но теперь не был уверен, что

помнит его верно. Так частенько не получается вспомнить, сколько ни старайся, где на дороге под слоем мутной воды после ливня прячется хорошо знакомая выбоина.

Красный зайчик целеуказателя заметался и наконец замер примерно там, где сыщик, по мнению Хамелеона, должен был стоять, если не совершил еще какой-нибудь хитроумный маневр.

– Брось оружие, Хамелеон! – прозвучало из мутной завесы.

Звук шел откуда-то справа. Хамелеон едва заметно вздрогнул, поморгал, рефлекторно пытаясь прогнать муть перед глазами, и сместил прицел вправо.

– Уйди с дороги, Вечный! – стараясь не выдать своего волнения, максимально ровным тоном произнес Хамелеон.

– Держи! Продолжение последует.

У ног Хамелеона что-то едва слышно звякнуло. Хамелеон мельком взглянул на упавшее к ногам колечко и нервно усмехнулся. Кольцо было от гранаты, с обручальным такое не спутаешь, но Хамелеон не испугался. Угроза – не действие, а намерение. Намерения не убивают.

– Ты не сделаешь этого!

– Почему? – голос Туманова был спокойным, как полный штиль, и спокойствие это было явно не напускное, а самое натуральное. – Мне граната не причинит вреда. Будет больно, но я готов это пережить. А вот ты умрешь, сомнений нет. Тебе это надо?

Хамелеон отлично понимал, о чем толкует Вечный. Никто, кроме Хамелеона, не мог убить бессмертного. Исключалось и самоубийство. На то он и бессмертный. Граната в руке у Туманова была мощной, но если он взорвет ее сам, с точки зрения Вечности это будет как раз самоубийство, то есть минут через пять сыщик поднимется с залитой собственной кровью земли живым и невредимым. А вот Хамелеону придется умереть реально. По необъяснимому капризу все той же Вечности раса Хамелеонов – единственных реальных врагов бессмертных – была уязвима, словно обычные люди. В качестве компенсации Хамелеоны обладали способностью к маскировке – становились невидимыми в движении или превращались в серое пятно тумана, если оставались на месте, и обычно это уравнивало шансы, но сейчас все смешалось и шансы явно были неравны.

И все-таки Хамелеон рассчитывал выиграть этот раунд. В отличие от кабинетной крысы, которой всю свою жизнь был этот сыщик, Хамелеон никогда не выпускал из рук пистолет и не прекращал тренироваться.

– Я могу убить тебя первым, – заявил Хамелеон, лихорадочно пытаясь сообразить, где на самом деле находится хитрый сыщик.

– Что же не убиваешь? – Туманов рассмеялся. – Боишься растратить боезапас впустую? Сколько у тебя осталось патронов, снайпер?

Теперь голос донесся из центра серого пятна. Хамелеон

выстрелил. Пуля звякнула, срикошетив от колеса вагона.

«Промазал! Но ничего страшного. Сейчас Туманов запа-
никует и сдвинется с места. По шуршанию гравия можно бу-
дет определить его позицию более точно. Сейчас...»

– Мимо, – послышалось слева. – Попробуешь еще?

«Летает он вокруг меня, что ли?! – Хамелеон опустил пи-
столет. – Нет, это какой-то фокус. Надо понять, какой кон-
кретно, и все встанет на свои места. А для этого надо потя-
нуть время».

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты сдался, – голос снова звучал из центра пятна. –
Вечные гарантируют тебе жизнь.

– Жизнь? – Хамелеон хрипло рассмеялся. – Гарантируют
пожизненное заключение, а не жизнь! Ты сам согласился бы
на такое предложение?

– Как видишь, согласился. Я не хотел становиться одним
из Вечных и всю жизнь участвовать в ваших играх, но выбор
был небогат. Как и у тебя. Гарантированная жизнь против
гарантированной смерти. Граната у меня серьезная, радиус
поражения – двести метров. Ты сумеешь пробежать полкру-
га за три секунды?

– Ты блефуешь!

– Предлагаешь попробовать?

– Ты не убьешь Женю!

– Кого? А-а, эту никчемную девчонку! Почему?

– Ты к ней равнодушен. Скажешь, нет?

– Я? – Туманов рассмеялся, и прозвучало это убедительно. – Хамелеон, очнись, она ведь тоже враг. Не скрою, будь мы обычными людьми, я закрутил бы с нею короткий роман, но мы существа иного порядка. К тому же – враги. Я убью вас обоих, не задумываясь.

– Скотина ты, дядечка, – вдруг проронила Женя, устало и как-то обреченно.

– Я реалист, дорогуша, – в голосе Туманова зазвучала ирония, плавно переходящая в сарказм. – А ты, прямо скажем, не Клеопатра, чтобы отдавать за ночь с тобой собственную жизнь. Ты вывела нас на Хамелеона, спасибо и до свидания. Если у тебя образовались некие чувства – твои проблемы. Я не испытываю ничего, кроме гнева, и взорву гранату, не промедлив и миллисекунды. Единственный шанс для вас обоих – договориться со мной и через меня с Цехом.

– Убей его, Хамелеон! – Женя сжала кулачки. – Он самый гнусный из всех этих гадов!

«Убить! Рад бы, да только кого? Положить все пули в серое пятно по диагонали? Есть такой метод, только эффективность у него так себе, на троечку. Да и патронов осталось на три секунды боя. Тратить их впустую неразумно и даже опасно».

– Не знаю, – Хамелеон в сомнении покачал головой. – Возможно, он прав, только с ним мы и сможем договориться. Твои условия, сыщик?

«Время, время! Сейчас все решает время! Время, чтобы

собраться с мыслями и выработать план дальнейших действий. Время, чтобы дождаться, когда в сером тумане забрезжит просвет и можно будет выстрелить наверняка. Всего один выстрел может решить все. Всего один! Где эта Вечность, когда она нужна? Где ее помощь в трудную минуту? Разве не ради нее многие поколения Хамелеонов изводят бессмертных? Разве не ради нее охотники рискуют жизнью, чтобы вытравить из обычного мира врагов, которые спрятались здесь от гнева Вечности? И где отдача? Где хотя бы минимальная помощь? Почему Вечность так бессердечна, почему не ценит своих верных слуг?»

– Для начала хочу кое-что прояснить, – вполне мирным и даже доброжелательным тоном произнес Виктор.

– Только коротко, – Хамелеон потянул носом. – Я чую приближение твоих сородичей.

Хамелеон бросил взгляд по сторонам. Если Вечные возьмут его в кольцо, сбежать будет непросто, а укрыться толком нигде. И тут уже не будет иметь значения, видит Хамелеона Туманов или нет. Бессмертные сумеют схватить противника и без его подсказок. На ощупь, как рыбку в мутной воде.

– Тебе все равно не уйти, какая разница, кто приближается? Оставь эти глупые надежды. Тебе следует надеяться на гарантии, а не на случай.

– Лучше *ты* оставь мне право самому решать, надеяться на что-то или нет. Спрашивай, пока я не передумал!

– Ты давно «в деле»? И кто был в курсе, кто помогал тебе

стать настоящим Хамелеоном? Ты не мог обучиться всему сам. Достигнуть Оптимума – это еще не все, нужно понять, что с тобой происходит и для чего это нужно. Кто тебе помогал? Родичи?

– Не все. Действительно помог только Александр Храмовников. Он не участвовал в операциях, но постоянно следил за экипировкой, обеспечивал прикрытие и помогал советами. Например, помог вычислить Смотрителя и подсказал, как привлечь его на свою сторону. Это было очень ценное приобретение. Смотритель вывел меня на Цех и посвятил в сны-предсказания. Они помогали мне в построении тактических планов.

– Как ты сумел запугать Смотрителя?

– Все хотят жить. – Хамелеон отпустил шею девушки и пожал плечами. – Имея в союзниках Смотрителя, я постоянно опережал Цех на шаг. Жаль, что я недооценил вас. Вы и без помощи Смотрителя вычислили моих сородичей, и дальше все пошло наперекос. Сначала Островский привлек к делу тебя, хотя, судя по вещим снам Смотрителя, этого не должно было случиться. Потом Смотритель начал нервничать, уничтожать свидетелей – подослал к тебе Эфиопа, а его люди ликвидировали двоих бандитов – убийц Храмовникова...

– Они заслужили! – вставила Женя.

Она сделала пару шагов в сторону и села на рельс. Хамелеон не стал ее удерживать. Против гранаты такой щит был все равно бесполезен.

– Да, – Хамелеон кивнул. – Поделом, но не вовремя. Затем Смотритель попытался убить Женю в больнице, привлек к нашей войне внимание смертных... Короче, наделал массу глупостей. Хорошо, что Вечные не разоблачили его до того, как он выполнил свою последнюю миссию – помог Жене сбежать.

– И чтобы он не глумил дальше, ты отправил его на тот свет, – резюмировал Туманов. – Понятно. Все понятно.

– Что тебе понятно, сыщик? – Хамелеон горько усмехнулся. – Что ты можешь понимать в промысле Вечности? Или ты думаешь, что наша война идет без ее ведома?

– Ну, насчет высших промыслов я реально не в курсе. Зато я точно знаю, что половина – да куда там! – две трети твоих слов – грязнейшая ложь! Я могу понять твою ненависть к Цеху и даже отчасти найти оправдание твоей чрезмерной жестокости. Инстинкт гнева – трудная вещь, одолеть его не каждому под силу. Но то, что ты делал с обычными людьми и со своими братьями по крови, никакой инстинкт не оправдывает. Да-да, это не мы вычислили и устранили твоих сородичей. Их приговорил ты сам! Это сделал ты, Хамелеон. Ты застрелил Храмовникова, чтобы он не выдал тебя Вечным. И Кощея пришил ты, когда тот порезал Женю, но двигали тобой исключительно корыстные намерения. Ты устранял конкурента и одновременно спасал женщину своей породы, самку, которая сможет родить Хамелеона чистых кровей! Ты и теперь выкрал Женю у Вечных потому, что она

нужна для продолжения рода! Ты зверь, а не человек, животное, полностью подчиненное инстинктам.

– Что ты говоришь?! – прошептала Женя. – Ты не понимаешь, что ты говоришь!

Она была блее мела, а в глазах у нее отражался натуральный ужас. Она встала и замерла, словно статуя. Понять ее чувства было нетрудно. Честно говоря, Хамелеон и сам был ошарашен обвинениями сыщика. Насчет бессмертных и обычных людей сыщик был прав, с ними Хамелеон не церемонился. А вот обвинения в убийстве братьев по крови и в попытке использовать девушку, как какой-то инкубатор... тут Туманова определенно занесло.

– Все это бред! Плод твоей больной фантазии, Вечный! – Хамелеон принял боевую стойку и поднял оружие. Внутри у него все заклокотало, и эта вспышка гнева неожиданно дала положительный результат. Серая пелена вокруг сыщика будто бы резко истончилась, и сквозь нее проступил силуэт противника. Он действительно держал в руке нечто похожее на гранату.

– Хватит скалить зубы, Хамелеон. Расслабься и брось оружие. Каким бы ты ни был выродком, предложение остается в силе. Гарантии тоже.

– Ты сам сказал, инстинкты для меня превыше всего! – Хамелеон закусил удила и теперь был настроен исключительно на драку. Разговоры ему резко наскучили. – Вечные будут вырезаны под ноль. Ты в том числе, сыщик!

Туманову этот ответ явно не понравился. Он почти бесшумно шагнул на рельс и приготовился бросить гранату, одновременно с прыжком в сторону Жени. Разгадать его маневр было несложно. опередить тоже.

– Переговоры зашли в тупик? – в голосе сыщика послышалась нотка неуверенности. – Жаль. Но у нас еще есть шанс договориться о перемирии на годик-другой. Может, поумнеем, найдем компромисс? Как ты смотришь на такой вариант?

– Никак, – твердо ответил Хамелеон. – Я не верю бессмертным, сыщик. Вы существа без чести. Все ваши компромиссы и гарантии – пустой звук!

Будто подтверждая его слова, откуда-то сверху, похоже с крыши депо, стукнул одиночный выстрел, и пуля выбила фонтанчик мелкой щебенки буквально у ног Хамелеона. Снайпер, в отличие от сыщика, не видел Хамелеона и бил наугад. Прикинул, ориентируясь на Женю, где стоит Туманов и где может стоять Хамелеон, и на всякий случай «прощупал» это место.

Хамелеон сосредоточился. Теперь все решали секунды. Или он успеет убить сыщика и вырваться из окружения, или его уничтожат Вечные, открыв огонь «по площадям».

Сыщик неожиданно сменил тактику и вместо угроз начал действовать. Нет, гранату он пока не бросил, зато выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил навскидку. Хамелеон легко ушел с линии огня и бросился к Жене, опережая противника сразу на три шага.

Туманов выстрелил несколько раз подряд, но не попал. Хамелеон передвигался, совершая хаотичные на первый взгляд движения, словно пьяный матрос в сильную качку, только не падая и очень быстро. Ни одна из пуль его даже не задела.

Сыщик расстрелял весь магазин, отшвырнул оружие в сторону и наконец ринулся к девушке. Хамелеон тоже отбросил разрядившийся пистолет и мгновенно оказался между Женей и бессмертным. В наметившемся рукопашном бою Хамелеон имел бы преимущество, но Туманов ухитрился уклониться от стычки, пронырнуть под рукой у противника и, бросив под ноги Хамелеону гранату, сгрести Женю в охапку. Финт был настолько неожиданным и ловким, что Хамелеон при всей его хваленой тренированности ничего не успел сделать.

И снова все решали секунды, даже доли секунд. Хамелеон неуловимо быстрым движением подхватил гранату, отбросил ее внутрь колеи и прыгнул, как ныряльщик с мостка головой вниз, подальше от насыпи. Граната звякнула о рельс, и через мгновение мир завертелся в грохочущей карусели.

Упругая взрывная волна пронесла Хамелеона над землей не меньше трех метров и швырнула на металлический борт ближайшего вагона.

Боли не было. Не было вообще ничего. Просто кто-то молча, даже не пожелав спокойной ночи, выключил свет...

...И почти сразу его включил. Так показалось. На самом

деле, судя по окружающей обстановке, провалиться «в темноте» Хамелеону пришлось не меньше часа. За это время он каким-то странным образом переместился далеко от места схватки и, судя по чистоте воздуха и первозданной тишине, даже за пределы города. Как такое могло произойти, оставалось только гадать.

Хамелеон попытался сесть. Все тело ломило, будто после суток непрерывной тяжелой работы, но руки и ноги слушались, а голова хоть и кружилась, но не клонилась долу.

Хамелеон сидел на крошечной полянке в каком-то лесу. Вокруг шелестела листва, щебетали птицы, жужжали летающие твари помельче, и вся эта идиллия ничем не напоминала о недавнем напряженном противостоянии с Цехом Вечных и его особо одаренными представителями.

С Цехом... Хамелеон прислонился спиной к ближайшему березовому стволу и закрыл глаза.

«Как это все надоело! Вся эта борьба непонятно во имя каких идеалов, вспышки безудержного гнева, кровь, бессонные ночи и неодолимый выматывающий нервы охотничий азарт. Ведь что в результате? Опустошенность и только она. Борьба с Цехом – слишком тяжелое бремя. И особенно тяжело понимание, что это бремя не на кого переложить».

Другие Хамелеоны давно выбыли из борьбы, да и если бы остались – дать серьезный, мощный отпор Цеху они не смогли бы при всем желании. Сообщество Хамелеонов никогда не было организовано, как Цех бессмертных. С одной сто-

роны, в этом была их слабость, с другой – сила. Убив одного Хамелеона, Вечные не получали ощутимого преимущества, а убить сразу нескольких было нереально. Хамелеоны старались не собираться больше трех в одном месте. Даже в семьях. Обычно, когда дети приближались к моменту созревания сверхспособностей – к Оптимуму, родители их покидали. Так было безопаснее. Так случилось и с самим Хамелеоном, хотя уже в тот момент он настойчиво повторял один вопрос, на который у наставника по прозвищу Бриан, то есть у Алекса Храмовникова, не было ответа.

«Почему мы не объединимся, почему не загоним бессмертных, словно волчью стаю, за цепь флажков и не уничтожим в одной решающей битве?»

Бриан так и не ответил. А сам Хамелеон пока не знал, где искать ответ.

«Возможно, там же, где бессмертные ищут крупицы информации о Вечности, их родном мире? А они где ищут? В архивах, в собственной памяти, где-то еще? Это можно было бы выяснить у Избранного, которым бессмертные считали Туманова, но теперь Избранный Вечный наверняка мертв. Ведь ту гранату в последний миг поднял и отшвырнул я, а значит, сыщик погиб. Вот и выходит, что вопросы так и остались без ответов. А это, в свою очередь, означает, что к опустошенности присоединяется неопределенность. Еще добавить уныние с безысходностью, и будет полный комплект. Можно ложиться и медленно умирать. Медленно... очень

медленно. Мы не бессмертны, но, если повезет, живем по восемь, а то и по десять веков. Слишком медленно придется умирать. Тысячу лет! Нет уж. Неинтересно!»

Хамелеон открыл глаза и прислушался. Что-то изменилось. Звуковой фон остался прежним, но чуть подсказывало, что теперь Хамелеон в лесу не единственный двуногий. Однако другой, хотя и прямоходящий, не был человеком. Он был либо Вечным, либо Хамелеоном.

Последняя мысль показалась странной. Такого быть не могло. Инстинкт гнева всегда подсказывал с точностью до сотой процента – бессмертный поблизости или Хамелеон. Откуда же взялась такая неуверенность?

Рука сама собой скользнула по бедру, но оружия в кармане не было. Хамелеон вспомнил, как эффектно отшвырнул пистолет в финале схватки с Тумановым, и мысленно обругал себя последними словами. Если это приближается враг, Хамелеон рисковал оказаться в трудном положении. Сил почти нет, оружия тоже, просто подходи и бери голыми руками.

– Бросать оружие глупо.

Мысль была вроде бы своей, но озвучил ее кто-то другой. Голос донесся из-за спины. Хамелеону он был незнаком. Хамелеон попытался обернуться, но необходимость в этом отпала сама собой. Незнакомец появился в поле зрения. Он обошел полянку и встал напротив, поигрывая тяжелым пистолетом – один в один как тот, что был у Хамелеона.

– Не всегда, – облизнув сухие губы, возразил Хамелеон.

Он окинул незнакомца пристальным взглядом. Ничего особенного, внешне обычный человек. Возраст около сорока... на вид, конечно. Рост чуть выше среднего, телосложение... нормальное, ближе к атлетическому, чем к диванному. Брюнет, глаза серые, лицо... как лицо. Тысячи таких вокруг. Даже сотни тысяч. Разве что слишком холерное для простого обывателя. Но это детали. Главное не в этом. Главный вопрос – почему молчит чутье? Незнакомец явно не был простым смертным, но свой он или чужой, до сих пор неясно. А ведь на таком расстоянии Хамелеон просто обязан отличить врага от друга. Обязан! Но не отличал.

– Любишь спорить, да? Ничего, пройдет. Вечность отучит, – незнакомец усмехнулся и загнал патрон в ствол. – Я его зарядил, магазин полный. Не возражаешь?

– Твой трофей, делай что хочешь.

– Это верно, – незнакомец присел на корточки. – Что захочу, то и сделаю. Так распорядилась Вечность.

– Я уже понял, что ты в курсе, – Хамелеон поморщился. – Что дальше? Только сразу к теме!

– Как скажешь, – незнакомец щелкнул выключателем лазерного целеуказателя и направил луч на Хамелеона. Красный зайчик остановился чуть левее грудины. Хамелеон удивился, насколько ровно он стоит. Не дрогнет! У неизвестного была железная рука и такие же нервы. – Если без вступлений, ты провалил свою миссию, и я могу сделать с тобой все, что пожелаю. Ты шлак, Хамелеон, отработанная ступень, пу-

стая тара. Вечность больше не нуждается в твоих услугах.

– А ты ее полномочный представитель?

– Считаю так, – незнакомец рассмеялся. – Я достаточно внятно изложил суть дела?

– Вполне. – Хамелеона не напугало заявление незнакомца. По большому счету, ему было все равно, жить дальше или умереть. Огорчало лишь то, что умереть ему придется от руки какого-то «представителя», а не в бою с бессмертными. – Что дальше?

– Вот заладил, – незнакомец покачал головой. – Дальше просто: хочешь жить, будешь у меня на подхвате, откажешься – умрешь. Заставить не могу, это привилегия Вечности, но она предпочитает не вмешиваться в наши дела напрямую, а уговаривать некогда. Можно нанять, да только жаба душит, хоть и грош тебе цена. Расклад очень простой, согласен?

– Проще некуда. – Хамелеон медленно вздохнул. – У меня есть свой вариант. Ты поцелуешь меня в задницу и отправишься куда подальше.

– Вынужден отказаться, – неизвестный криво ухмыльнулся. – Подумай, Хамелеон, я подожду. А чтобы ты не зациклился на своем варианте, я вкратце изложу претензии: свои, а значит, и Вечности. Первая и главная – ты не приблизился к цели ни на шаг, хотя и основательно проредил цеховые порядки. Три мастера, четыре бригадира, десять бойцов, целый Смотритель! Это серьезный тактический успех, спорить не буду. Но все-таки ты провалил миссию. И знаешь, почему?

– Не было никакой миссии! – перебил его Хамелеон. – Я просто делал то, для чего родился. Я подчинялся инстинкту гнева!

– Все верно, – незнакомец кивнул. – А говоришь, не было миссии. Это она и есть. А ты хотел получить пакет с инструкциями и чтобы тебя торжественно напутствовал седовласый генерал? Ты приступил к выполнению своего задания, как только появился на свет в этом неудобном мире. Но, к нашему общему сожалению, ты сошел с дистанции задолго до финиша. Ты не нащупал верного пути. Вместо уничтожения Цеха ты добился его усиления! Это ли не провал?

– Что за бред?! Я ненавижу Цех! Как я мог его усилить?

– Все просто, Хамелеон. Цех стал сильнее за счет введения в игру джокера, то есть Туманова. Он единственный Вечный, который способен помешать Хамелеонам в их главном деле – недопущении бессмертных в Вечность.

– А я здесь при чем?

– А ты стал причиной этого. И не сумел исправить того, что натворил.

– Туманов мертв!

– Я всегда знал, что Хамелеоны – никчемный, сырой материал, которому уготовано кануть в небытие вместе с бессмертными, – незнакомец вздохнул. – Однако надежда – это великая сила. Я надеялся, что ошибаюсь... но этого не случилось. Ты тупица, Хамелеон!

– Так он... жив?

– Формально нет, – человек взглянул на часы. – Хотя сейчас уже, возможно, ожил.

– Вот почему бессмертные считали его Избранным... теперь я понимаю. Его не убить даже Хамелеону!

– Вот именно. Для этого нужен кто-нибудь посильнее.

– Вроде тебя? – Хамелеон испытующе взглянул на незнакомца.

– Вот именно, – повторил неизвестный, поднял палец и коротко рассмеялся. – Только вроде меня нет больше никого на всей планете. Я такой один. Дошло?

– Да, теперь мне все понятно.

– Теперь! – незнакомец фыркнул. – Теперь тебе, конечно, понятно. Когда я объяснил. Где ты был раньше со своим «пониманием», жалкий идиот?!

– Пошел ты!

– Пойду, конечно. Не вечно же мне торчать в этом лесу. Что ты решил? Пойдешь со мной или останешься? Мне, в принципе, все равно. Для дела достаточно и одного помощника-Хамелеона. Ты предпочтительнее, не люблю работать с бабами, но если потребуется...

– Женю не трогай, – Хамелеон нахмурился. – Я согласен. Помоги встать.

– Понимаю, – незнакомец спрятал пистолет в карман, поднялся с корточек и подошел. – Сестра, святое дело... понимаю. Только без глупостей, ладно? Вздумаешь драться – убью.

Он наклонился и ухватил Хамелеона под мышки, помогая встать на ноги. Хамелеон воспользовался моментом и как бы невзначай ухватил помощника за шею.

– Очень надо с тобой драться! – буркнул Хамелеон и одним отработанным движением свернул незнакомцу голову.

Хруст сломанных шейных позвонков был слышен отчетливо, а голова человека развернулась на все сто восемьдесят градусов, но тело почему-то не обмякло, ноги не подкосились и руки не повисли плетьюми. Незнакомец по-прежнему стоял рядом с Хамелеоном и крепко держал его под мышки.

– Ах ты, звереныш, – прохрипел незнакомец. – Думаешь, это все шуточки?!

Он сильно оттолкнул Хамелеона, и тот перелетел полянку на «бреющем», едва касаясь травы и вращаясь, как потерявший хвостовой винт вертолет. В конце короткого полета он врезался спиной в дерево и основательно сбил дыхание. Впрочем, это сейчас было не самым неприятным. Гораздо хуже выглядела сцена из кошмара наяву.

Незнакомец неторопливо нащупал собственные уши, помедлил, словно к чему-то примеряясь, и резким движением вернул голову в правильное положение. Процедуру сопровождал все тот же противный хруст костей. У Хамелеона даже свело зубы от этого звука.

Враг развернулся к Хамелеону и, массируя шею, сделал пару шагов к центру полянки. Движения его были неуверенными, а руки заметно дрожали. От былой твердости не оста-

лось и следа. И все-таки он не собирался умирать или хотя бы падать без чувств. Нечто сверхъестественное, засевшее в брэнном человеческом теле, упрямо удерживало незнакомца на ногах.

– Ты безнадежен, Хамелеон, – прохрипел он и, откашлявшись, сплюнул кровью. – Безнадежен и бесполезен!

Он снова сплюнул кровью, зашел Хамелеону за спину и приставил пистолет ему к затылку.

– Мой тебе совет, животное, – булькая кровью, проговорил незнакомец, – предстанешь перед Вечностью, не дергайся. Лучше сразу падай на колени и кайся. А о сестре не беспокойся, она скоро присоединится к тебе.

Говорят, будто перед смертью вспоминается вся жизнь, но у Хамелеона из памяти почему-то всплыл только один эпизод. Недавняя расправа над мастером Цеха Юрием Шуйским. Происходящее сейчас чем-то напоминало финал той успешной диверсионной операции. Только в роли жертвы выступал сам Хамелеон, а в роли палача... Как в свое время Шуйский, Хамелеон даже примерно не представлял, кто на самом деле этот экзекутор и почему он так свободно рассуждает о делах Хамелеона, Цеха и о промысле Вечности, но на него не реагируют ни инстинкт гнева, ни чутье, определяющее «своих».

«Не человек же он какой-нибудь новой породы! Впрочем, какая теперь разница? Нашел, о чем думать в последние секунды жизни!»

По лесу, распугивая птиц, прокатилось короткое эхо выстрела. Хамелеон судорожно дернулся, завалился вперед и уткнулся лицом в прелую листву.

Палач спрятал оружие Хамелеона в карман и, не задерживаясь у места расправы, неторопливо пошагал в сторону шоссе.

Примерно на полпути к трассе одежда и лицо человека стали полупрозрачными, а силуэт, казалось, потерял определенные очертания. С каждым шагом загадочный оптический эффект усиливался, и вскоре неизвестный «растворился» в воздухе. То, что на самом деле странный человек выбрался на обочину, можно было определить лишь по примятой траве.

* * *

Это походило на пробуждение после тяжелого долгого сна, в котором было много образов и событий, но ничто из происходившего не запомнилось, а лица и слова остались размытыми пятнами и невнятными звуками. Единственное, что запомнил Туманов, было слово «вечность». Все персонажи сна говорили о ней, словно о некоем месте, спрятанном в хитросплетении миров и путей Вселенной, а не как об отвлеченном понятии, но более глубокий смысл сказанного ускользнул от Виктора. Осталось лишь слово: «вечность». Туманов чувствовал, что ему следует разобраться с загадкой,

но во сне сделать это он уже не успевал. Волна пробуждения несла его куда-то вперед и вверх, приближая к залитому солнечным светом золотистому берегу Жизни.

Виктор не сопротивлялся. В холодной пучине вечного сна было спокойнее, однако и у суетливого солнцепека побережья имелись свои преимущества. В первую очередь там ждали те, кто был Виктору дорог. Насколько важно быть рядом с ними, понимаешь, лишь когда уходишь бесконечно далеко, теперь Туманов знал это точно. И насколько щедр этот подарок судьбы – возвращение, тоже понимаешь, лишь попав туда, откуда нет возврата. Почти нет, как выяснилось.

Волна выбросила Туманова на горячий песок, схлынула и больше не вернулась. Он поворочался, тяжело перевалился на спину и уставился в пронзительно-голубое небо с ослепительным золотым диском в зените. Солнце старалось, и его усилия не пропадали даром. Виктор почувствовал, как теплеют руки и ноги, как из груди исчезает могильный холод, а ледяная маска превращается в лицо живого человека. В первую очередь начали слушаться веки – Виктор моргнул, – затем губы. Туманов облизнул губы пересохшим языком и попытался что-нибудь произнести. Получилось не сразу, но он повторил попытку, и слово все-таки сорвалось с губ. Едва слышное, слабое, но отчетливое.

«Вечность...»

Почему именно это слово? Туманов не знал.

Голубое небо вдруг побелело, а солнце уползло к горизон-

ту и стало относительно тусклым, в пределах возможностей стоваттной лампочки. Виктор еще раз моргнул и осознал, что видит над собой потолок просторной комнаты. Туманов перевел взгляд вправо. Лампочка-солнце в изящном плафоне светила со стены. Взгляд скользнул ниже и наткнулся на одного из персонажей сна. Рядом с Виктором сидел человек в белой одежде и с мутным пятном вместо лица. Неужели Хамелеон?! Туманов моргнул несколько раз подряд, и зрение наконец пришло в норму. Лицо странного человека обрело черты. Нет, это был не Хамелеон. Сыщик с облегчением выдохнул.

– Здравствуйте, бригадир, – прошептал Туманов еле слышно.

Бригадир Островский вздрогнул и подался вперед.

– Вы очнулись! – он улыбался, похоже искренне радуясь за Туманова. – Отлично! Вот, попейте.

Виктор ухватил губами соломинку и сделал несколько глотков солоноватой жидкости. На эту незамысловатую процедуру ушли почти все силы. Туманов закрыл глаза и ненадолго провалился в забытие, теперь уже без образов и звуков. Очнувшись, он снова приложился к соломинке и окончательно утолил жажду. На этот раз силы его не оставили. Виктор почувствовал себя достаточно бодрым.

Он снова взглянул на Островского и едва заметно кивнул:

– Спасибо.

– Не за что, Виктор Алексеевич. По правде сказать, это я

должен вас благодарить.

– За что?

– Трудный вопрос, – Островский неуверенно потер скулу. – Наверное, за чудо или за откровение, которое с вашим возвращением снизошло на Цех.

– Разве для бессмертных в новинку воскрешение?

– Нам трудно умереть, Виктор Алексеевич, но если это все же происходит, никто из нас не возвращается. Это привилегия существ более высокого порядка.

Бригадир поднял взгляд к потолку.

– Я не сверхчеловек, – Виктор чуть качнул головой. – Мой «порядок» не выше вашего.

– Вот в этом и загадка, – Островский развел руками. – Что все-таки произошло? Мы все были уверены, что Хамелеон вас убил, причем реально. Я лично видел ваш, извините, труп. Но спустя час вдруг появился пульс, и вы... вернулись. Правда, в себя пришли через сутки, но это уже детали. Что за чудеса, Виктор Алексеевич? Может быть, шепнете по старой дружбе?

– Откуда мне знать? – Туманов чуть приподнялся, стараясь принять подобие сидячего положения. – Лучше скажите, Всеволод Семенович, что с Хамелеоном и Женей? Живы?

– Хамелеон, к сожалению, сумел ускользнуть. – Островский изучил пиктограммы на медицинском мониторе и быстро нашел те, что отвечали за регулировку наклона спинки кровати. – Ваша граната оказалась ему нипочем. А эта его

дьявольская маскировка... Короче, он ушел. Так что вздохнуть с облегчением пока не получится. А вот Евгения почему-то осталась рядом с вами. В данный момент сидит под замком. Когда вы... вернулись, она заявила, что больше не желает быть наследницей древних традиций. Поклялась, что ее инстинкт гнева и все особые таланты исчезли одновременно с первым ударом вашего сердца в новой жизни. Вот такая странная связь. Ей пока не все верят, но Совет, похоже, на ее стороне. Во всяком случае, из камеры вашу подружку обещают выпустить, просто приставят к ней Джонатана.

– Непонятно, за что такое доверие?

– Сам не пойму. Мастера будто пьяные ходят, улыбаются, извините, шире акул. Хотя лично я не вижу повода для благодушия. Пока последний Хамелеон на свободе, расслабляться неразумно. Ведь нет гарантии, что его инстинкт сбавил обороты так же, как это произошло у его сестры. Но мастерам, наверное, виднее. Получается, вы у нас, так сказать, вестник больших перемен. Один сразу на две общины. Остается понять, что это за перемены или хотя бы какой у них знак: плюс или минус.

– Разве прекращение войны не плюс?

– Пока не факт, что война прекратилась. Хотя, возможно, так и есть. То, что случилось с вами, идеально вписывается в наши представления о мироустройстве. Кто-то должен был стать посредником-наблюдателем в противостоянии наших видов. Вернее, стать своего рода третейским судьей и для

бессмертных, и для Хамелеонов.

– Желаете сделать меня крайним?

– Нет, конечно! Но вспомните, что говорил мастер Чесноков: цепочка может быть бесконечной. И необязательно иерархией. Я даже уверен, что это не иерархия. Просто такая взаимовыручка и взаимный контроль. В принципе – идеальные условия жизни, почти райские, или почти коммунизм.

– Не богохульствуйте, товарищ бригадир, – Виктор слабо усмехнулся.

– Хорошо, не коммунизм, – Островский тоже обозначил улыбку. – Просто верная модель людской общины. Так пойдет?

– В общих чертах да. Помогите встать.

– Э-э, нет, Виктор Алексеевич, лежите! Врачи сказали – не хотел вас с порога огорчать: есть опасение, что вы больше не бессмертный. Точно сказать пока нельзя, но вероятность имеется. И если вы снова обычный человек, который звучит гордо и в котором все должно быть прекрасно, вам придется хорошенько отлежаться. То есть у вас все должно медленно, но верно зажить, а уж после бегайте на здоровье.

– Понятно. Спасибо, Всеволод Семенович, за добрую весть. А то я испугался, что теперь не только бессмертный, но и бестелесный или еще какой-нибудь.

– Вы серьезно рады, что снова стали обычным человеком?

– Конечно. А вы не радовались бы излечению от неведо-

мой болезни?

– Не знаю, если честно, корректно ли сравнивать бессмертие с недугом, и уж тем более не знаю, стал бы я радоваться избавлению от него.

– А кто говорил, что хотел бы стать простым смертным?

– Я говорил, что иногда завидую смертным, – Островский поморщился. – Насчет желания стать обычным человеком я ничего не говорил. И вообще это были отвлеченные рассуждения вслух, не более. Кто в здравом уме пожелает расстаться с бессмертием?

– Тот, кто был когда-то смертным.

– Вот именно. – Островский задумчиво взглянул в окно и покрутил перстень на безымянном пальце. – А кто не был, тот не желает. Ненормальные, которые добровольно наведались к палачу, не в счет.

– И совершенно напрасно, – проронил Виктор.

– Ничего сказать не могу, не в курсе, – бригадир развел руками и поднялся. – Ладно, Виктор Алексеевич, мне пора. Тут к вам должны привести еще одного посетителя. Правда, пока под конвоем, но скоро, думаю, ее отпустят вовсе.

– Тогда вам и вправду пора, уж извините.

– Смотрите, больной, не переусердствуйте, – Островский погрозил пальцем. – Вы теперь знаковая личность, поберегите здоровье. О! Я чую, она уже идет!

Он поднялся, кивнул и направился к выходу.

– Господин Островский! – вдруг окликнул его Туманов. –

Один вопрос.

– Да?

– Что такое Вечность?

– Ого! – Островский усмехнулся. – Если вас интересуют такие философские вещи, вы определенно идете на поправку.

– Нет, я спросил о другой Вечности. – Виктор попытался поймать взгляд бригадира. – О той, которую символизирует рисунок на вашем перстне.

– Догадались? – бригадир взглянул на Виктора исподлобья. – Это долго объяснять, Виктор Алексеевич, но в двух словах... мы считаем, что Вечность – это наш мир.

– Интересно, – Туманов перевел взгляд на перстень бригадира. – Что же тогда вы делаете *в нашем* мире?

– У меня нет ответа на этот вопрос, – Островский покачал головой. – Его нет даже у мастеров Цеха. Он был утерян тысячи лет назад, как и путь обратно, и мы не смогли отыскать их снова: ни смысла нашей жизни в чужом для нас мире, ни пути домой. Возможно, их найдете вы, господин Туманов. Не напрасно же вы появились среди нас. Возможно, именно в этом ваша миссия, как думаете?

– Пока никак. – Виктор взглянул на дверь. – Но я поразмыслию над этим вопросом. Позже.

Из коридора донеслись звуки шагов. Островский отсалютовал сыщику и открыл дверь.

– Здравствуйте, барышня, – бригадир протиснулся боч-

ком в коридор и туда же вытолкнул гиганта-конвоира, сунувшегося было в палату.

– Привет, – Женя прошла в комнатку и села на стул рядом с кроватью.

– Привет, – Туманов протянул руку и коснулся ее запястья. – Как ты?

– Теперь хорошо, – она улыбнулась и сморгнула навернувшиеся слезы. – Теперь точно хорошо.

– Возможно, я снова смертный. Так что все не настолько хорошо, как хотелось бы... наверное.

– Я знаю. Но ты ошибаешься, все хорошо на самом деле, без оговорок, и тебе это должно понравиться.

– Что должно понравиться? – Виктор хмыкнул. – Стареть, болеть и умереть? Мы только что обсуждали эту тему с Островским. Я сказал ему, что рад стать прежним, и это действительно так, но *нравится* ли мне быть смертным, я не уверен. Жить коротко, но ярко или долго, но в полумраке – непростой выбор, есть о чем задуматься.

– Я буду с тобой, – Женя склонилась и поцеловала Туманова в щеку. – Всегда.

– Думаешь, от этого мне будет легче стареть? – Виктор покачал головой. – Что-то я сомневаюсь.

– Разве это не мечта каждого мужчины – всегда иметь в спутницах молодую женщину? Хоть и не Клеопатру, зато без морщин и лишнего веса.

– А тебе не надоест?

– Мне – нет! – Женя торопливо помотала головой. – Что такое сто лет для того, кто способен прожить тысячу? Или ты не согласен?

– Ты делаешь мне предложение? – Виктор коротко рассмеялся. – Но ведь сто лет – это явное преувеличение. Все-го-то лет через тридцать (для тебя это как через три года) я стану брьюжащим стариканом с дряблой кожей и вялой эрекцией. Зачем тебе это?

– Ты не первый день занимаешься сыском, – она вздохнула, – неужели до сих пор не нашел главное, что правит этим миром в целом и каждым человеком в отдельности?

– Насчет мира – нашел, это община бессмертных под кодовым названием Цех, а вот насчет людей по отдельности... не знаю. Хамелеоны?

– В обоих случаях это любовь! – горячо возразила девушка.

– Романтично, но неверно. – Виктор ласково погладил ее по руке. – Ты особенный человек, Женя, но пока все равно еще девочка, ты не знаешь жизни. Любовь – это программная оболочка инстинкта. Возводить ее в абсолют так же глупо, как обожествлять Солнце.

– Может быть, – Женя упрямо поджала губы и недолго помолчала. – Может быть, и так. Но я верю в любовь. Верю, и точка. Разве этого мало?

Виктор некоторое время молчал, глядя на белую, как свежий снег, простыню, потом кивнул и негромко ответил:

– Да, вера не требует доказательств. Равно как инстинкты не требуют мотивации. Что ж, инстинкт любви лучше инстинкта гнева. Если желаешь мучиться всю мою жизнь, мучайся. Хотя, подозреваю, ты еще передумаешь. Не завтра, так лет через десять. Впрочем, для тебя будет не поздно.

Женя хотела что-то ответить, но Туманов вдруг поднял руку, призывая ее к молчанию. Одновременно он откинул одеяло и пошарил рукой, пытаясь нащупать лежащую на стуле рядом с кроватью одежду.

То, что он почувствовал, было трудно передать словами. На него вдруг нахлынула свинцовая волна безотчетного страха, плавно переходящего в ужас, а затем и в панику. Только болезненная слабость не позволила Туманову стартовать из кровати и сигануть прямо в окно. Да еще присутствие Жени немного отрезвляло. Чтобы справиться с паникой, Виктору пришлось до хруста сжать кулаки, стиснуть зубы и, крепко зажмурившись, твердо приказать себе: «Спокойно!» Внутренняя борьба продлилась почти минуту.

Завершилась она не то чтобы победой воли, но хотя бы перемием. Страх остался, но был уже не таким всеобъемлющим и сильным. Во всяком случае, он не помешал проанализировать ситуацию более-менее трезво.

Волна панического ужаса была явно результатом гипнотического воздействия в сочетании с чутьем на врага. До сих пор чутье срабатывало на Хамелеонов, но сейчас Виктор ощущал и новые оттенки виртуального «запаха». Тот, кто

гнал перед собой свинцовую волну страха, почему-то источал острый терпкий аромат, одновременно похожий и на запах Хамелеона, и на запах Вечного. Это сочетание казалось странным, но оно не было иллюзией.

Туманов разжал кулаки и принялся лихорадочно одеваться. Его беспокойство мгновенно передалось Жене. Она помогла Виктору сесть на кровати и натянуть футболку.

– Что случилось? – подавая джинсы, спросила она.

– Он идет сюда! – Туманов покачнулся и едва не упал обратно на подушку. – Слабость... ничего... сейчас отпустит.

– Витя, может, не надо?

– Поверь мне, надо. Оставаться здесь опасно!

– Что тебя так встревожило?

– Он идет! – резко ответил Туманов. – Не понимаешь?!

– Нет, – честно призналась девушка. – Кто идет?

– Это... это... – Сыщик на секунду замер, пытаясь найти верное слово. – Враг! Настоящий, реальный, абсолютный!

– Сюда идет Володя? – Женя нервно смяла край простыни. – Ты чувствуешь его приближение?

– Не знаю, огорчу тебя или обрадую, но это не твой брат, – Туманов снова помотал головой. – Тот, кто приближается, гораздо серьезнее Володи. Опаснее и злее.

– Злее, – Женя отвела взгляд и вздохнула. – Куда уж злее? Я не думала, что он так сильно изменился.

– Сейчас речь не о нем, – Туманов беспокойно взглянул на дверь палаты. – Хотя оправданий его свинскому поведе-

нию я не нахожу. Швыряться гранатами в родную сестру... никакими идеалами такой фортель не оправдать.

– Не надо больше, – на глаза Жени навернулись слезы.

– Не буду, прости, – Виктор кое-как натянул джинсы и сунул ноги в спортивные туфли. – Быстрее! Приготовься! Сюда направляется не твой брат. К сожалению, кажется, слухи о моем обратном превращении в нормального человека были сильно преувеличены. Я сохранил, по крайней мере, обостренное чутье на Хамелеонов и... им подобных. К нам идет кто-то гораздо сильнее и опаснее твоего брата. Не знаю, кто это, но мне не по себе от его... ауры. Идем отсюда, дорогуша. Да побыстрее!

– Как скажешь, дядечка, хоть я и не понимаю, в чем проблема, почему такое паническое бегство?

– Это долго объяснять, но если в трех словах... на меня возложена миссия. Понимаешь? Я единственный человек, который может найти ответы на важнейшие для Цеха вопросы. Первый – что бессмертные делают в мире людей, и второй – как им вернуться в Вечность?

– Куда?

– В Вечность. В этакое запредельное пространство, на «историческую родину» бессмертных. А возможно, и Хамелеонов, то есть отчасти и на твою родину.

– Моя родина здесь!

– Моя тоже, но это ничего не меняет. Мы увязли в этой истории по уши, нравится нам это или нет. Так что придется

идти до конца, ничего не поделаешь.

– Но почему ты решил, что этот враг пришел именно за тобой?

– Сам не знаю, – Туманов пожал плечами. – Чувствую. А может быть, генетическая память подсказывает. Или обычная логика. Ведь, по словам Островского, я ключевая фигура в истории противостояния Цеха и Хамелеонов. Я – Избранный Вечный. А тот, кто приближается, имеет какое-то отношение и к бессмертным, и к Хамелеонам, значит, я важен и для него. Только для него я важен со знаком «минус». Я чувствую исходящую от него угрозу. Он идет, чтобы уничтожить меня.

– Но почему? – Женя помотала головой. – Чем ты мог насолить тому, кого и в глаза-то не видел?!

– А вот это нам лучше не выяснять, я ощущаю каждым нервом. Возможно, он не желает, чтобы я выполнил свою миссию, нашел для Цеха путь в Вечность. А может быть, у него есть другие причины. Не знаю. Но в любом случае мне с этим врагом встречаться не резон. Тебе тоже. Вот почему нам лучше временно исчезнуть со сцены.

– Я мало что поняла, но верю, – Женя кивнула. – И как мы исчезнем? Если он близко, у нас ничего не выйдет. Из этой палаты незаметно не выскользнуть. Через окно?

Она перевела взгляд на чистое до полной прозрачности окно. Вопрос, что называется, был интересный. Виктор тоже некоторое время растерянно смотрел в окно, за которым

покачивались на ветру верхушки деревьев, затем перевел взгляд на небольшое зеркало в углу палаты и... невольно хмыкнул. В зеркале отражалась сидящая вполоборота Женя, изголовье кровати, смятое одеяло, подушка, второй стул и... все.

Никакого Туманова в отражении не наблюдалось. Возможно, сработала маскировка, как во время стычки с Хамелеоном, но в отражении не было даже серого пятна.

Виктор неуверенно помахал рукой – ничего нового. Внутри у сыщика похолодело.

«А что, если... все это „воскрешение“ – не более чем иллюзия, последняя фантазия умирающего мозга?! Что, если я теперь просто призрак, невидимый и неуместный в реальном мире?!»

Виктор утер холодную испарину и похлопал по подушке. Она промялась в том месте, куда он ударил. От прямого подтверждения собственной материальности Виктору сразу стало легче. Вопросы, конечно, остались. Например: откуда у него, у Вечного, взялся один из ключевых талантов Хамелеона? Да еще в «усовершенствованном» виде. Но поиски ответов на этот и прочие вопросы можно было отложить в долгий ящик.

«Таковы мои индивидуальные особенности. Если уж я Избранный, значит, и таланты должны быть продвинутыми. И вообще, сейчас важнее ускользнуть, а не искать ответы. Не время для раздумий!»

– Посмотри на меня, – Туманов почему-то перешел на громкий шепот.

– Что... – Женя взглянула на Виктора и осеклась. – Что за... черт?! Ты где?!

– Опасения подтвердились, – Туманов снова хмыкнул. – Здесь я, здесь, не волнуйся. Это маскировка.

– Маскировка? Словно у Хамелеона? Но почему она раньше меня не обманывала?

– Я не хотел этого, вот и не обманывала, но сейчас лучше подстраховаться. Лучше побыть невидимкой даже для тебя, дорогуша.

– Прекрати обзывать! Не то я тоже замаскируюсь, устанешь искать!

– Этого я и жду, – голос Туманова стал предельно серьезным. – Ты ведь уже представляешь, как это делается?

– На уровне ребенка, впервые взявшего в руку карандаш. «Заштриховать», пожалуй, смогу, «нарисовать» – вряд ли.

– Сгодится. Главное – представь себе, насколько опасен враг, и маскировка включится сама собой. Представила?

– Пока нет. Он... как злой пес?

– Хуже.

– Гигантская кобра?

– Давай так. Прижмись ко мне поплотнее. Поработаю твоей маскировочной сетью.

– Нет, погоди, я, кажется, поняла!

Виктор мысленно настроился на видение мира нормаль-

ными человеческими глазами и, хотя мысль о таком фокусе была довольно смелой, у него получилось. Силуэт Жени поплыл, лицо и одежда подернулись серой пеленой, и спустя пару секунд над тем местом, где она стояла, зависло лишь невесомое облачко тумана. Именно так должен был выглядеть Хамелеон в боевом режиме для всех окружающих, за исключением самих Хамелеонов и, как недавно выяснилось, Избранного. Впрочем, прямо сейчас выяснилось еще и то, что сыщику доступен гораздо больший набор фокусов, причем с любым знаком. По желанию – плюс, минус, вира, майна... все исключительно по желанию. Захотел, видишь Хамелеона, надоело на него глазеть – не видишь. Как говорится, любой каприз... причем бесплатно. Красота.

В принципе, расширение диапазона талантов должно было радовать, но Виктора оно лишь пугало, поскольку могло завести в такие дебри необъятного мира сверхъестественных явлений, откуда не выберется даже трижды избранный.

– Быстро учишься, – отбросив грустные мысли, одобрил Виктор успехи Жени. – Теперь подвигайся – шаг вправо, шаг влево.

Облачко исчезло, возникло снова и опять исчезло.

– Работает, – удовлетворенно констатировал сыщик. – Осталось выяснить, обманет ли наша маскировка врага. Держи меня на всякий случай за руку.

Он снова настроился на хамелеонье зрение и обнаружил девушку стоящей почти у двери.

– Ты, я смотрю, не сильно огорчился, что возвращение в стан смертных сорвалось? – Женя едва заметно усмехнулась.

– Вообще-то, сейчас не до откровений, – Туманов осторожно подошел к двери и прислушался, – но, если честно, ты права. Только дело не в амбициях или затаенном страхе перед смертью. Я не выполнил миссию. Не люблю останавливаться на половине пути.

– Все мужчины так говорят, – Женя притворно вздохнула. – А потом засыпают за пять секунд до кульминации.

Вместо какого-нибудь красивого киношного ответа Туманов резко дернул ее за руку и выволок в коридор.

По больничному коридору разливался резкий, неприятный запах. Женя не сразу поняла, чем здесь пахнет, но очень скоро догадалась. Это был неуловимый для простых смертных запах врага. Очень странный, какой-то наполовину родной и в то же время пугающий. Именно эта противоречивость оттенков тревожила больше всего. Женя могла с полной уверенностью заявить, даже поклясться, что в коридоре пахнет Хамелеоном и в то же время – бессмертным. Второе было, в общем-то, неудивительно – недалеко от двери переминались с ноги на ногу недавний посетитель Туманова – бригадир Цеха Островский и конвоир Жени – помощник бригадира Джонатан. Но пахло не ими. Запахи этих бессмертных были Жене хорошо знакомы. Нет, у того, кто приближался, был другой запах; более острый и пугающий.

Женя невольно сжала руку Туманова посильнее, пытаясь

как-то передать свои мысли. Она ощущала, что враг приближается из южного крыла госпиталя. Как и беглецы, он был невидим, но обостренное чутье Хамелеона сигнализировало вполне отчетливо – враг слева!

Туманов так же легким движением пальцев дал понять, что тоже чует противника, и потянул Женю вправо, к лестнице.

Тяжелый парадоксальный запах вдруг резко усилился, и это означало, что враг ускорил шаг. Женю окатила холодная волна паники. Виктор почувствовал это и сжал ее руку еще крепче. Оба понимали, что сейчас важнее всего сохранить самообладание и не потерять контакт. Иначе не выбраться.

Запах врага стал нестерпимым, и в какой-то момент Женя потеряла ощущение реальности. Она словно провалилась в вязкое болото, в котором только и получается, что бессмысленно сучить ногами, не двигаясь при этом с места. На самом деле так только казалось, разум был подавлен сильным страхом, практически ужасом. Женя начала хоть что-то соображать лишь во дворе госпиталя. Зловещая аура или запах – без разницы – остались позади, и вместе с ними остались секунды кошмара наяву, казалось бы, беспредметного, но в то же время мощного и всепоглощающего. Туманов, наоборот, был по-прежнему рядом и продолжал тянуть, как локомотив, в сторону ворот, рискуя вывихнуть подружке руку.

– Витя, – прошептала девушка. – Витя, прекрати, больно!

– Не останавливайся, – сквозь крепко сжатые зубы про-

цедил Туманов. – Мы его обманули, но это может быть простым везением. Там были Вечные, они могли отвлечь его внимание!

– Отвлечь? – Женя повертела головой. – Куда мы идем? Надо взять машину!

– Не здесь! Выйдем через лес на шоссе и поймаем попутку.

– Ты хотя бы представляешь, где мы?

– Нет. Но я слышу звуки. Там, за лесом, большая трасса. Быстрее! Уйти от неизвестного и невидимого противника можно, только непрерывно двигаясь.

– Неизвестного? Послушай, Вить, а не может быть врагом кто-то из твоих приятелей? Если так, одной проблемой меньше.

– Я тоже хотел бы упростить ситуацию до уровня крестиков-ноликов, но не выйдет, дорогуша. Ты уловила его запах?

– Неприятный, – Женя поморщилась. – Сначала мне показалось, что он пахнет, как Хамелеон, но потом... Однако это и не запах Вечного.

– Вот в этом-то вся проблема. – Туманов потянул куда-то влево, помог Жене вскарабкаться на пригорок и остановился.

В сотне метров перед ними, за полосой подлеска, лежало широкое шоссе. Откуда и куда оно ведет, было неясно, но в том, что это единственный путь к спасению, сомневаться не приходилось. Туманов вышел из режима маскировки и на-

правился к обочине. Жене на «выход в свет» потребовалось гораздо больше времени. Виктор уже остановил попутку и даже договорился о цене, когда девушка наконец справилась с эмоциями и предстала миру во всей красе.

Странно, но усталого водителя потрепанной легковушки ничуть не удивило появление практически ниоткуда перепуганной девицы. Он лишь кивнул, указывая на заднее сиденье, и неумело подавил зевок.

– До МКАД довезет, дальше сами, – сообщил Виктор, пропуская Женю вперед.

– Техосмотр кончился, – буркнул водитель. – Завтра поеду проходить. Там очередь, блин...

– И все-таки подумай насчет своих друзей, – когда беглецы уселись в машину, прошептала Женя. – У страха глаза велики, а на самом деле, может, и не было ничего особенного. Может, только Вечными и пахло?

– Дай-то бог, – Туманов вздохнул. – Только не бывает так, чтобы сразу двое обознались. Даже если пили одно и то же – разные должны быть кошмары. Особенно во время бдения.

– Это точно, – водитель вдруг хрипло рассмеялся. – Пьют, бывает, одно и то же, а один взбзднет – горит, другой – гаснет. Но воняет одинаково вечно, это да. Это точно.

– Алло, земляк, тут женщина, – сурово сказал Туманов.

– А чего я сказал? – водитель озадаченно пожал плечами. – Все как в жизни. Чего такого? Сейчас и по телевизору так говорят. В этом... доме, ну, который... все смотрят. А

в комедийном клубе чего творят! Это вам не кабачок с тринадцатью стульями. Не, зема, ты не прав. Нормально это теперь. Даже того... круто.

– И этот мир ты собрался спасти? – тихо вздохнула Женья. – Миссия? Надо ли?

– Не мне решать, – Туманов отвернулся к окну. – Спасать мне. Решать – нет.

* * *

– Вот и все на сегодня, можем съездить пообедать, – выйдя из палаты Туманова, бригадир Островский закрыл окошко шпионской программы в своем коммуникаторе и спрятал приборчик в карман. – Как говорят киношники: «поцелуй в диафрагму». Кстати, симпатичная получилась пара, хотя на первый взгляд – мезальянс. Взрослый интеллигентный мужчина с хорошими генами и малолетка-троечница из Чертанова, к тому же – наполовину Хамелеон... Казалось бы, ничего общего! Но есть в них обоих что-то особенное: неуловимое и потому вдвойне загадочное. Ты как считаешь?

– Я никак не считаю, бригадир, поскольку не знаю, что делать с этой дамочкой дальше. – Джонатан бросил обеспокоенный взгляд на дверь палаты. – Конвой снимаем?

– Она больше не опасна, – бригадир кивком указал на выход. – Чего нельзя сказать о ее братце. Едем. После обеда получишь новое задание.

– Снова выслеживать Хамелеона?

– Что поделывать, Джонатан, пока он на свободе, война не окончена.

– Надеюсь, в новой операции не будет ловли на живца?

– А кто сказал, что она была в предыдущей? – Островский погрозил помощнику пальцем. – Туманов? Ты слишком легковверен, мой друг. Даже к самым убедительным гипотезам непосвященных следует относиться скептически. Виктор загадочный человек... или Вечный, даже цеховой Совет пока не понимает, кто он на самом деле. И, возможно, когда-нибудь Туманов сыграет заметную роль в нашей жизни, но пока... он всего лишь дилетант, едва прикоснувшийся к тайнам Цеха.

– А если он тот, кого мы ждали все эти столетия? Тот, кто вернет нам Вечность?

– Поживем – увидим, – после недолгой паузы сказал Островский. – Жаль, остались без Смотрителя. С ним увидели бы сразу.

– Не знаю, бригадир, имеет ли это значение... – Джонатан замялся. – Но я видел что-то вроде вещего сна.

– Любопытно, – Островский остановился и пристально посмотрел на помощника. – Что ты увидел?

– Вечность, – гигант вздохнул. – Мы стояли на дне ущелья перед островерхой скалой из черного гранита и видели в ее недрах вход в Вечность. Чтобы войти, нам следовало написать на воротах легендарную Формулу, но для этого нам

нужно вспомнить ее, а вспомнить никак не получалось.

– Мы все-таки вошли в ворота?

– Этого я не видел. Но я помню, кто был среди нас.

Островский взглядом указал на дверь палаты Туманова. Джонатан кивнул и показал два пальца.

– Очень любопытно, – Островский задумчиво потер подбородок. – А ее братца там не было?

– Думаю, нет. Но там был кто-то пострашнее Хамелеона, или что-то пострашнее... и гораздо опаснее. Я не знаю – что, но это там было. Этот новый враг пытался нам помешать.

– И какой ты можешь сделать вывод?

– Не уверен, что он вам понравится, Всеволод Семенович.

– Переживу. Говори.

– Наш истинный враг не Хамелеон. Настоящий враг хитрее, сильнее и беспощаднее зверя-невидимки. И он угрожает не только Вечным, но и Хамелеонам, и людям... Всему миру!

Джонатан оборвал себя на полуслове. Островский смотрел на старого товарища с таким удивлением, будто видел его впервые. Причина была понятна. Отчаянный рубака, отважный воин, Джонатан боялся того, что пригрезилось в вещем сне. Бригадир знал помощника не первый век, но ни разу не видел его в таком состоянии, ни разу даже не заподозрил, что Джонатан может чего-нибудь бояться.

– Смелее, Смотритель, – тихо сказал Островский. – Кто наш враг?

– Я не знаю, – Джонатан шумно выдохнул и утер со лба испарину.

– Понимаю, – Всеволод кивнул. – Смотритель не обязан рассказывать свой сон, если не хочет. Но... я клянусь хранить имя врага в строжайшей тайне! Его не узнает никто, кроме нас с тобой. Пойми: чтобы сражаться, нужно знать, с кем!

– Я не знаю его имени, бригадир. Простите.

– И вы простите, господин новый Смотритель, – Островский коротко поклонился.

– Оставьте эти церемонии, Всеволод Семенович, – Джонатан поморщился. – Я не собираюсь задирать нос.

– Одобряю, – бригадир кивнул. – Кажется, мы шли обедать? Так идем. Война войной, а обед по расписанию.

Джонатан кивком выразил согласие, но его притормозил телефонный звонок. На связи был майор ФСБ Федотов.

– Алло, разведка? Ты стоишь или сидишь?

– А что? – Джонатан насторожился.

– Сядь, чтоб не рухнуть! – торжественно сказал майор. – Мы нашли контуженного братца твоей девицы! Если интересно, можешь приехать посмотреть. А можешь вообще забрать его для комплекта. Он у нас, в камере.

– Серьезно? – Джонатан нахмурился. – Никто не пострадал?

– Ну, как тебе сказать, – Федотов хмыкнул. – Кроме него, нет. Он в холодильной камере. С дырой в затылке. И знаешь,

какого калибра пуля?

– Семь шестьдесят две, – почти шепотом ответил Джонатан.

– Так точно! Этот парень отыскался в лесу, неподалеку от хитро замаскированной деревни, где мы прихватили девицу!

У Джонатана в голове вдруг что-то звякнуло, и кусочки мозаики наконец сложились в картину.

«Бинго, – подумалось разведчику. – Вот в чем было дело! Проблемы Цеху создавали вовсе не Хамелеоны-полукровки! Вот почему мы так и не схватили настоящего Хамелеона. Он оказался вдвое хитрее, сильнее и умнее, чем мы могли предположить. Это тот самый Враг из вещего сна. Истинный Враг. Хамелеон и еще что-то большее. Он только прикрывался своими „сводными сородичами“, использовал их как дымовую завесу! И он по-прежнему рядом!»

– Что-то случилось? – поинтересовался Островский.

– Да, случилось, – Джонатан немного растерянно взглянул на бригадира. – Вы идите, я догоню. Мне надо проверить новую информацию. Задержусь на пять минут, не больше.

– Хорошо.

Джонатан выждал, когда Островский скроется за углом, затем резко развернулся и бросился к дверям палаты Туманова.

Двери оказались запертыми, но это не стало для Джонатана препятствием. Он одним ударом выломал замок и, выхватив из кобуры оружие, ворвался в палату.

Ни сыщика, ни Жени там не оказалось. Окно было закрыто, а секретных ниш в помещении Джонатан не обнаружил. Разведчик вернулся в коридор. Там тоже не нашлось никаких следов, и не было слышно посторонних звуков. Чисто и тихо, как и полагается в госпитале. Разведчик в сердцах плюнул на стерильный пол и спрятал оружие. Невнятные намеки вещего сна обрели предельную четкость и однозначный смысл.

Истинный Враг все сделал правильно от начала до конца. Используя врожденные качества Хамелеона и сверхчеловеческую хитрость, он с помощью Вечных убрал всех своих конкурентов и одновременно вычислил единственного из живущих на планете людей, который сможет открыть путь в Вечность.

«Неужели Враг стремится преградить бессмертным дорогу в их родной мир? Зачем? Да затем, что если Реальность получит доступ в этот идеальный мир, с враждой между Цехом и Хамелеонами будет покончено. А это, похоже, невыгодно Истинному Врагу. Он желает, чтобы противники истребили друг друга подчистую. Он хочет остаться единственным сверхчеловеком во всех измерениях мироздания. Каким оружием он намерен завоевать Вечность, после того как покорит Реальность? Вопрос сложный, и ответ на него, возможно, пока неизвестен даже самому Истинному Врагу. Но ответ наверняка найдется, когда Враг будет к этому готов. Такова логика Вселенной – она решает проблемы по мере

их созревания. Но это она. Вселенная может позволить себе экспромты. А нам лучше бы подготовиться к проблемам заранее».

Джонатан развернулся и побрел к выходу из госпиталя.

«Тщательно подготовиться: учесть все мелочи, просчитать ходы, запастись оружием и так далее. Но прежде надо выяснить, кто этот Истинный Враг „в миру“, узнать его имя. Кто же этот мистер Икс, неизвестное лицо с известными намерениями? Впрочем, почему неизвестное? Его лицо, возможно, хорошо известно тем, кто только что исчез из запертой палаты. Разве не мотив, чтобы их похитить? Конечно, мотив! Но какова технология фокуса? И почему Враг не поступил проще, почему не убил свидетелей? Вопросы, вопросы...»

Джонатан вышел на крыльцо больницы и остановился, запрокинув голову. Со стороны должно было казаться, что он наслаждается летним солнцем.

«И начинать придется все-таки с поисков Туманова, а не с выяснения личности Врага. Так будет разумнее. Найдя сыщика, можно будет устранить не только верхушку проблемы, но и ее корни. Как? Да очень просто: открыв путь в Вечность, которая мгновенно разберется с Врагом и без участия бессмертных. Но сделать это мы сумеем, лишь добравшись до Черной скалы, причем обязательно в компании сыщика. Ведь если Туманов действительно долгожданный Избранный, только он сумеет написать на воротах то, что их

откроет, – утерянную тысячи лет назад Формулу Вечности».

Джонатан заложил руки за спину и несколько секунд покачался на каблуках. Да, найти Виктора, а уж после искать Врага было разумнее, но не проще. И вообще, не с этого следовало начинать на самом деле. В первую очередь следовало задуматься над одним простым вопросом: а что, если Туманов и есть враг?

«Вариант неприятный для мозгования, но от него явно не отмахнуться, как ни старайся. Ведь что получается? Туманов – определенно необычный человек, хотя на хитромудрого злодея не тянет. Одна глупость с гранатой чего стоит! Попугать – было бы нормально, для того ему и дали этот железный фрукт, но взрывать-то зачем?! Однако на поверку это может оказаться лишь тактической хитростью, по сути – жестким, но эффективным отвлекающим маневром. И если не поддаваться на такие уловки, не отвлекаться, то сразу возникнут вопросы, на которые незамедлительно найдутся вполне логичные ответы.

Например, Туманова не обманывает маскировка Хамелеона, разве не убедительное доказательство того, что он сам Хамелеон? Дальше: его собственная маскировка обманывает и людей, и Вечных, и Хамелеонов, причем выборочно, каких он пожелает, – значит, он владеет этим даром лучше любого Хамелеона. Получается, он Суперхамелеон? Третий вопрос-ответ: он не погиб от руки Хамелеона, хотя должен был погибнуть, будь он человеком, Вечным или тоже Хамелео-

ном, значит, он еще и Сверхвечный?»

До главного вопроса-ответа оставался ровно один логический шаг, но Джонатан решил притормозить и не формулировать его, не прокрутив предварительные выводы еще разок.

«Нелишним в общей картине будет такой штрих, как нейтральность Туманова для нашего чутья. Даже когда наступил его Оптимум, реакция Вечных на него оставалась слабой. Будто на кандидата в бессмертные, а не на полноправного сородича. Правда, и никаких посторонних запашков не было. Хамелеоном от него не пахло даже близко. Только Женья и учуяла в нем родственную душу. Ну, да это другая песня. Душа не тело, на нее чутье иное...»

Джонатан вдруг насторожился. Мысли о чутье на врага неожиданно материализовались. Где-то глубоко в мозгу зазвенел тревожный колокольчик, а все органы чувств заработали с предельной остротой. Джонатан обратился в слух, обоняние и орлиное зрение.

Сначала появился запах, едва уловимый, но безусловно чужой. В нем была горькая нотка опасности и прохладный пугающий оттенок, который Джонатан для себя называл «дыханием смерти» или «могильным холодком». Где-то рядом появился Хамелеон, сомнений быть не могло. Осталось понять – где? Слух пока отказывался определить хотя бы направление, в котором следует искать опасность, а зрение и вовсе расписывалось в бессилии. Под сенью густой

листвы, играющей на ветру рваными тенями, Хамелеон мог прокрасться незамеченным даже без маскировки.

Джонатан положил ладонь на рукоятку пистолета и... закрыл глаза. Несведущему наблюдателю могло показаться, что светловолосый гигант заснул стоя или превратился в слепую статую наподобие античных скульптур, но на самом деле бессмертный просто сосредоточился на чутье, которое в сложившейся ситуации оказалось полезнее всего. Исключив из списка помощников зрение и отрешившись усилием воли от звуков, Джонатан стал улавливать еще более тонкие нюансы в запахе врага.

Хамелеон? Да, пожалуй, это был все-таки Хамелеон. Во всяком случае, присущий им всем оттенок был очень силен. Но в то же время этот экземпляр пах несколько иначе. В гамме его запахов присутствовали довольно противоречивые составляющие. На какую-то долю секунды Джонатану даже показалось, что приближается вовсе не враг, что это кто-то из своих. Причем Джонатан ни в коем случае не допускал мысли, что запахи исходят от разных существ и смешиваются ветром. Нет, источник был единым.

«Что и требовалось доказать, – окончательно решил для себя Джонатан, – этот враг – не какое-то новое, неизвестное доселе существо, а Хамелеон, только не простой. Он еще и оборотень, если можно так выразиться, умеющий маскироваться под Вечного! И он на порядок опаснее чистокровного Хамелеона, а уж тем более полукровок, с которыми мы сра-

жались до сих пор».

Запах врага усилился. Теперь Вечный мог точно определить, откуда приближается противник. Хамелеон-оборотень двигался вдоль госпитального корпуса, направляясь к скрытой за широким перелеском дороге. Его маршрут пролегал мимо затаившегося Вечного, но этот нюанс, похоже, не беспокоил врага. Либо он был настолько уверен в своей маскировке, либо надеялся, что бессмертного собьет с толку противоречивый запах, но шел враг уверенно и достаточно быстро.

Джонатан открыл глаза и взял оружие на изготовку. Палить поблизости от больницы было опасно, но он и не собирался открывать огонь «на нюх» до тех пор, пока Хамелеон не войдет в лесную зону.

Запах стал предельно отчетливым, и Джонатан даже сумел сузить сектор вероятного обстрела до десяти-пятнадцати метров. Точность была не ахти, на таком протяжении мог выстроиться целый взвод Хамелеонов, но Вечному приходилось довольствоваться малым, выбора не оставалось. Хамелеон был невидим и двигался абсолютно бесшумно. Слух бессмертного по-прежнему наслаждался исключительно пением птиц и шелестом листвы, а перед глазами играли резкие тени и блики солнечного дня.

«Жаль, нет с собой „Вулкана“, – Джонатан медленно обвел сектор взглядом. – Шесть стволов, пять тысяч выстрелов в минуту – можно выкосить сектор за десять секунд начисто.

Заодно и врага. А из пистолета... фактически наугад... дохлый номер».

Оставалось пойти следом за врагом и попытаться проследить. Мысль была так себе – проследить за невидимкой, который, в свою очередь, тебя прекрасно видит! Но другой в голову не приходило. В конце концов, Джонатану не раз случалось сталкиваться с Хамелеонами в боевом режиме, но он до сих пор жив. Не так страшен черт, как говорится, пусть и невидимый. Главное – не пасовать и доверять чутью.

В лесу было больше шансов услышать звуки шагов Хамелеона, но резко ослабел запах, его начали забивать ароматы трав, прелой хвои и сосновой смолы. Джонатан остановился и прислушался. Ему показалось, что он различил подозрительные звуки метрах в тридцати впереди, но полной уверенности не было.

Слева хрустнула ветка. Охотник резко вскинул оружие, но тут же его опустил. Из-за ближайших кустов вывернул беспечно прогуливающийся пациент в больничной пижаме. Теоретически он, конечно, мог быть Хамелеоном, но чутье на него не сработало. Оно упрямо держалось за прежний азимут – враг уходил к шоссе. Пациент выпучил глаза и замер на месте с нелепо поднятой ногой, будто опасаясь, что следующий шаг может спровоцировать огромного человека с пистолетом в руке на необдуманные действия. Кроме того, он окончательно забил запах врага, невольно пустив ветры. Джонатан едва заметно поморщился, приложил палец к

губам и кивком указал перепуганному больному на ближайшую асфальтовую дорожку. Пациент судорожно кивнул, выбрался на асфальт и торопливо пошаркал к госпитальному корпусу.

Джонатан сделал несколько шагов вперед, попытался снова взять след, но верховое чутье уже не работало. Хамелеон ушел слишком далеко. Можно было проползти по траве, она хранила следы лучше, чем воздух, но скорость передвижения в этом случае падала до мизерной и терялся весь смысл преследования. Что толку идти по остывающему следу, если он наверняка оборвется у обочины шоссе?

Джонатан спрятал оружие, присел, провел рукой по земле и понюхал пальцы. Запах врага был слабым, смешанным с прелью, и оттого еще больше похожим на могильный.

«Этот враг ко всему прочему гораздо быстрее полукровок. Настолько бесшумно можно только идти, не спеша, мягко ступая и обходя всевозможные сучья и валежник. Но если он с такой скоростью ходит, да еще с грузом, то с какой он бегаёт, особенно налегке?! Очень опасная тварь. Очень. А если он еще и бессмертный, нам не обойтись без особого подкрепления, как ни противно это признавать».

Джонатан вытер пальцы о брюки и выпрямился. Мысль о возможном бессмертии врага снова вытянула на поверхность прежнюю догадку – основной вывод из размышлений у парадного подъезда госпиталя. Если Истинный Враг обладает способностями Хамелеона и Вечного в полной мере, то,

чтобы бороться с ним, Цеху могло потребоваться не просто «особое», а «эксклюзивное» и очень мощное подкрепление. Теоретически на эту роль вполне подходил Избранный, то есть Туманов, но как раз с ним Джонатану было пока ничего не ясно.

«Если он Избранный, почему позволил врагу себя похитить? А если он сам и есть враг... об этом даже думать не хочется! Тогда Цеху конец и очень скоро. Можно откупать кладбище и рыть ямы. Сразу на всех. Кладбище бессмертных – звучит странно и страшно, но если Туманов враг, так и будет».

От размышлений Джонатана отвлек новый запах. Приблизился кто-то из своих, но шел он почему-то с той стороны, в которую минутой ранее ушел Хамелеон. Джонатан снова вынул пистолет. Особо талантливый враг по определению должен быть и особо хитрым. Что, если он решил обмануть преследователя, усыпить его бдительность, а затем, подавив в своем запахе нотки Хамелеона и оставив лишь «вечную» составляющую, вернуться и уничтожить преследователя?

– Я заждался, – из зарослей выбрался бригадир Островский. – Что ты тут потерял? Ого! А пистолет зачем? У нас аврал?

– А вы зачем сюда забрели? – Джонатан уставился на бригадира с подозрением.

– Моя машина на параллельной аллее, – Островский взглядом указал влево. – Ждал тебя, ждал, потом почему-то

забеспокоился и решил вернуться. Напрямую. Так быстрее. Что случилось, Джонатан?

Говорил бригадир искренне, смотрел прямо в глаза и вообще вел себя абсолютно естественно.

– Ничего, – охотник спрятал оружие. – Показалось, что чую врага.

– Показалось? – Островский указал в сторону шоссе: – Туда ушел?

– Вы тоже почуяли?

– Я же говорю – забеспокоился. Ты его спугнул? Думаешь, он приходил за Тумановым? Или снова за сестрой?

– Тот, о ком вы говорите, мертв. Мне только что звонил Федотов. Владимир Храмовников был марионеткой, как и все остальные полукровки, включая Женю. Настоящий враг не он. Как я и предполагал. В смысле – видел в вещем сне.

– Ну, раз братец-хамелеон мертв... получается, так оно и есть, – немного подумав, согласился бригадир. – И кто же этот новый враг?

– Это долго объяснять, Всеволод Семенович... сразу не сформулировать.

– Так, так... – Островский несколько секунд помолчал, потом взял помощника за рукав и кивком указал в направлении невидимой за деревьями машины: – Едем. Мы ведь собирались пообедать? По пути сформулируешь и за обедом спокойно изложишь.

– Вы не все знаете, бригадир. Туманов и девица исчезли,

их нет в палате. И я чувю, их нет в госпитале.

– Час от часу не легче! – Островский отпустил одежду Джонатана и всплеснул руками. – Ты объявил тревогу?! Где они могут быть?

– Не знаю, но... тревогу объявлять поздно. Надо начинать поиск. Это другой алгоритм.

– Ну, поиск, – Всеволод Семенович согласно кивнул. – Что ты стоишь? Идем в твой мобильный офис! Или ты собираешься руководить ищейками по сотовому?

– Бригадир! – Джонатан твердо посмотрел шефу в глаза. – Вы меня не поняли. Никакие перехваты и прочесывания ничего не дадут. Я же сказал, это непросто объяснить вот так, на ходу.

– Джонатан! – примерно тем же тоном ответил Островский. – Хватит темнить! Я доверяю твоему огромному опыту контрразведчика, но будь любезен, приведи хотя бы один убедительный довод в оправдание твоей пассивности! Почему ты так уверен, что в результате обычного рейда мы не сумеем перехватить нового Хамелеона... или кто там был... короче – врага, и обнаружить спрятавшихся где-то поблизости подопечных? У нас мало бойцов? Или нам не хватает отточенных веками навыков? Ответь, если не трудно!

– Началась новая игра, бригадир. И начал ее кто-то гораздо опаснее Хамелеона.

Бригадир хотел что-то сказать, но осекся и замолчал. Ненадолго, но достаточно, чтобы немного успокоиться.

– Это я уже понял. Тот самый враг из твоего вещего сна, – Островский произнес это с раздражением, но уже не так возмущенно.

– Да, бригадир, – Джонатан замялся. – Наверное.

Бригадир снова взял длительную паузу, затем в голос вздохнул и жестом указал на левое крыло госпиталя, так называемый «пищеблок», в котором, кроме простейшей столовой, располагался еще и небольшой ресторанчик.

– Идем, варяг, выпьем эля для смазки извилин, раз уж нормально пообедать не получается. Здесь, конечно, не лучший ресторан Москвы, сервис постсоветский, но готовят вполне прилично. В процессе, так сказать, и сформулируешь... Но охрану ты все-таки усиль и ориентировку нашим ищейкам дай! Шутка ли – Избранного прохлопали! Совет с нас три шкуры снимет, если Туманов не вернется.

– Да, бригадир, так и сделаю. Но это не поможет, я же говорю. Туманов уже далеко отсюда. И никакие ищейки его не найдут. Идемте, действительно, присядем, и я все объясню. А то мы словно бы об одном говорим, но на разных языках... как англичанин с эскимосом.

Островский смерил Джонатана подозрительным взглядом, но промолчал, хотя в аллегории роль эскимоса отводилась явно ему. Бригадира успокоила ирония Джонатана. Если человек иронизирует, значит, он уверен в своих силах и в том, что все делает верно. Обычно Джонатан принимал решения, лишь будучи полностью уверенным в своей право-

те, а потому ошибался исключительно редко, и Островский давно привык к такому подходу подчиненного к делам.

Хранил молчание бригадир и во время обеда, когда Джонатан неспешно, тщательно подбирая слова, изложил ему отчет о событиях последнего получаса и озвучил возникшие в результате вопросы-ответы. Лишь спустя пять минут после того, как помощник умолк, бригадир наконец поднял на него задумчивый взгляд и спросил:

– Ты хочешь сказать, что мы имеем дело с уникальным представителем сразу двух видов? Наполовину Хамелеоном, а наполовину Вечным?

– Получается так, бригадир. Причем в обоих случаях уместна приставка «сверх».

– Это просто невероятно!

– Невероятно, но ничего другого предположить не могу. И если рассуждать без предвзятости, положив руку на сердце, такой метис когда-то должен был появиться. И то, что он обладает не суммой, а произведением способностей двух видов тоже, по-видимому, вполне логично... как говаривал когда-то многоуважаемый Барух: *sub specie aeternitatis*.

– Ну да, – Островский кивнул. – С точки зрения вечности. В свое время я переводил «Этику». Только Спиноза рассуждал о других вещах, не настолько очевидных и одновременно противоречивых.

– А что вас не устраивает, бригадир? Чем не портрет идеального врага для обеих общин?

– Портрет убедительный, мой друг, не спорю. Но не походит на портрет конкретного подозреваемого. Даже если Туманов обладает описанными тобой качествами, это не повод обвинять его во всех смертных грехах.

– Мне и самому не по душе этот вариант, бригадир.

– В таком случае нам следует договориться, что момент истины наступит, только когда Туманов отыщется, – заключил Островский. – Согласись, его исчезновение из больницы, да еще вместе с Женей, можно расценивать как угодно. Самый благоприятный для нас вариант, если они сбежали, почувствовав приближение Врага. Этот вариант не сулит Цеху дополнительных проблем. Если парочку похитил Враг, это хуже, но тоже поправимо. А вот если Виктор и есть Враг, и его побег – начало новой партии, мы явно проигрываем дебют. И проигрываем сразу с крупным счетом.

– Согласен, бригадир, об этом и беспокоюсь.

– И все же я чувствую, что Туманов не Враг, а жертва, – задумчиво проронил Островский. – Вспомни свой вещий сон. У той Черной скалы он был рядом с нами, угроза исходила от кого-то другого. Ведь так?

– Не совсем, бригадир. Угроза была разлита в воздухе, мы будто бы стояли в центре грозовой тучи, насыщенной враждебностью, словно влагой. Врагом в такой атмосфере мог быть кто угодно. Даже один из нас.

– Ну, это ты перегнул, – Островский неуверенно усмехнулся. – Уж за себя-то мы можем быть спокойны.

– Разве? – Джонатан положил вилку и нож крестом на тарелку и немного ссутулился. – Честно говоря, после всех этих странных событий и превращений: Туманова в Вечно-го, а потом в Избранного, меня в Смотрителя – и после потери инстинкта гнева у женщины-Хамелеона... я ни в чем не уверен. Если выяснится, что кто-то из нас всегда был наполовину Хамелеоном, но до поры подавлял инстинкты своего альтер эго, я уже не удивлюсь.

Джонатан не смотрел прямо на бригадира, но боковым зрением все-таки пронаблюдал за его реакцией. Она была такой, какой ей и следовало быть. Осознав, что Джонатан может запросто оказаться прав в своих худших опасениях, бригадир явно расстроился. Островский некоторое время молчал, вяло ковыряя вилкой бифштекс, затем кивнул и негромко сказал:

– Я, пожалуй, тоже не удивлюсь. Прости нас, Вечность, за такие мысли...

* * *

Довези их стонущие от старости «Жигули» до МКАД, Туманов был бы сильно удивлен. Правда, он предполагал, что дело закончится банальной поломкой, причем крупной, из разряда «бобик сдох», но примерно за минуту до того момента, когда авто обязано было развалиться на ржавые запчасти, его заставил прижаться к обочине гаишный экипаж.

Честно говоря, Туманов даже вздохнул с облегчением. Попасть в аварию было бы слишком. После гранаты – мелочь, но все равно чересчур для неокрепшего организма. К тому же с Виктором была Женя, которой лишний риск был и во все противопоказан. Ведь ее бессмертие не включало такую опцию, как неуязвимость. Бессмертна, пока цела.

«Странные все-таки понятия у этой Вечности, – выбираясь из машины, подумал Туманов. – Ну, сделала бы оба вида по-настоящему бессмертными, то есть заодно и неуязвимыми для всех, кроме своих прямых врагов. Равные шансы, здоровая конкуренция... нет же, надо было ей завернуть все против часовой стрелки. Первые бессмертны и неуязвимы для всех, кроме вторых, а эти вторые просто долгожители и невидимки. Единственный общий талант – инстинкт гнева, то есть непреодолимое стремление убить врага, если он появляется в поле зрения. Где логика? Хотя при чем тут логика? В смысле – наша, нормальная, земная логика. Наверняка в таком распределении талантов между Хамелеонами и Вечными имеется какой-то скрытый смысл, известный только Вечности. Эх, понять бы – какой, сразу бы прояснилось на доске. А пока ясно лишь одно: понимаешь, что происходит, не понимаешь – твои проблемы. Реагировать все равно надо. Логически находить верные решения или интуитивно – вопрос десятый. Главное – не стоять, как баран у новых ворот, не тормозить».

Проверять документы у пассажиров милиционеры не ста-

ли. Они сразу сосредоточились на водителе, а на его клиентов не обратили вообще никакого внимания. Это было на руку беглецам, и они решили не испытывать судьбу, дожидаясь, чем закончится проверка, а медленно двинулись вдоль обочины в прежнем направлении, только километров на полста в час медленнее. Туманов то и дело поднимал руку, пытаясь остановить новую попутку, но на его жесты почему-то никто не реагировал. Почему, до Виктора дошло лишь полчаса спустя, когда мимо на приличной скорости промчался знакомый кортеж: «Тахо» и два черных «Мерседеса». Туманов сосредоточился на человеческом видении окружающего мира и вздохнул. Видимо, невольно реагируя на вероятную опасность, и он, и Женя брели по обочине включив маскировку.

– Может, так оно и лучше, – размышляя вслух, пробормотал Виктор, вновь меняя ракурс.

– Что лучше? – Женя успела уйти дальше, чем предполагал Туманов, и ему пришлось ее догонять.

– Наша с тобой защитная реакция не всегда осмысленна. Вот сейчас, например, чутье работает отдельно от мозгов. Мы уже полчаса бредем под прикрытием маскировки, поэтому никто и не останавливается. Но, с другой стороны, никто и не нападает.

– Если этот новый враг круче Хамелеона, хотя бы меня он должен был увидеть.

– Значит, мимо он пока не проезжал, – Туманов пожал

плечами. – И слава богу. Стой. Отдохнем.

Отдохнуть удалось всего пару минут. Запах приближающегося Врага появился внезапно. Он налетел, как порыв ветра, предвещающий грозу, окутал пыльным облаком страха и буквально столкнул беглецов с обочины в кювет. Эта подсознательная реакция оказалась единственно верной. Буквально через минуту на том месте, где отдыхали невидимые пешеходы, резко затормозил массивный черный «Ленд Крузер».

Туманов ухватил Женю за руку и потащил за собой. Девушка споткнулась, вскрикнула и остановилась, потирая колено, ушибленное о какой-то скрытый в траве камень. Заминка стоила беглецам очень дорого. Пока Женя боролась с неприятными ощущениями, пока парочка снова набирала скорость, «Крузер» успел аккуратно съехать в кювет и выбраться на оперативный простор прилегающего к трассе бездорожья. Мчатся с крейсерской скоростью по скрытым в траве глубоким канавам и высоким кочкам было не по силам даже такой серьезной машине, но шансов у беглецов все равно практически не осталось. Впереди виднелся лес, но перед ним раскинулось покрытое рытвинами и присыпанное хламом километровое в ширину поле. Пересечь его, не попав под колеса нагоняющему вседорожнику, было реально только при условии, что «Крузер» напорется на бетонный блок – таких в траве валялось предостаточно – или сядет на брюхо, угодив в особо глубокую канаву. Как первое, так и вто-

рое было почти нереально. Водитель машины сидел высоко и видел далеко. Во всяком случае, пока он успешно объезжал все препятствия и медленно, но верно сокращал отставание от беглецов.

Туманов на секунду обернулся. В полумраке салона было трудно рассмотреть что-либо определенное, но на выручку пришло чутье. Виктор легко определил, что в машине сидят двое. Один из них человек, а другой... либо Хамелеон, либо Вечный. Такое сочетание было возможно в одном-единственном случае, если второй – Враг.

«Только бы не за рулем, – почему-то подумалось Туманову. – Задавит – не выжить. Возможно, даже мне. Жене – точно».

От такой мысли стало не по себе, и сыщик прибавил ходу. Слева виднелись какие-то развалины; чуть выше уровня земли, но все равно достаточное препятствие для машины. Женя без слов поняла, что задумал Туманов, и припустила с легкостью лани, куда только подевалась хромота.

Руины оказались совсем крошечным и, в общем-то, неопасным препятствием. Все, что здесь грозило «Крузеру», – ржавый гвоздь в колесо. Но водитель машины предпочел не рисковать и пустился в объезд. Таким образом, парочка выиграла секунд десять. А до леса оставалось еще метров триста.

– Ты... летать... случайно... не умеешь? – тяжело выдохнула Женя. – Было бы здорово. Черные очки на нос, посиль-

нее оттолкнулся... и в небеса.

– Не спеши в небеса... дорогуша, – ответил Виктор, оглядываясь по сторонам. – Давай вправо! Там, кажется, обрыв.

– Точно! – воскликнула Женя. – Речка! Успеем!

«Крузер» буквально вылетел наперерез, когда до обрыва оставалось не больше полусотни шагов. Подпрыгнув на естественном трамплине-бруствере, он пролетел метров пять, глухо отработал колесами о влажный грунт и взревел мощным двигателем, рывком набирая скорость. Туманов слабо представлял, насколько резко могут разгоняться такие машины в условиях бездорожья, но, как постоянный читатель автожурналов, отлично помнил, что на асфальте этот показатель у них выглядит весьма впечатляюще. Секунд за десять-одиннадцать до сотни. И это при массе в две с половиной тонны. Пусть этот крейсер успеет набрать хотя бы половину скорости, если собьет – мало не покажется даже бесмертному.

Виктор внутренне собрался и приготовился к акробатическим этюдам. Если не трусить, держать эмоции под контролем, а мышцы в полной готовности к резкому старту, представлялось реальным даже выиграть своеобразную корриду. Например, пропустив «быка» мимо себя, стоя на краю обрыва. Вряд ли он сумеет затормозить на самом краешке. Земля тут подсохла лишь на поверхности, чуть глубже она плыла и расплзалась под ногами, как солидол.

«Неудивительно после целого сезона дождей. Под коле-

сами такой студень расплзется еще охотнее, сомнений нет. Остается только сыграть и выиграть».

Неизвестно, видел ли враг Туманова, но чуял его не хуже гончей, это точно. Учувяв, что Туманов остановился, Враг мгновенно разгадал все планы сыщика. Он заставил водителя резко вырулить влево – примерно в сторону Виктора, а затем бросить машину вправо, напрямиком на Женю, которую, в принципе, мог и чуют, и видеть, как Хамелеон Хамелеона. Девушка не была готова к атаке и потому лишь успела прикрыть голову руками.

– Нет! – шепнул Туманов, зачарованно глядя, как Женя, нелепо дернув ногами, взлетает в воздух и как летит с обрыва вниз.

Безвольно плюхнувшееся в узкую речку тело подняло целый фонтан брызг и мгновенно исчезло в мутной воде.

Несколько секунд Туманов просто стоял и тупо смотрел на то место, где под водой скрылась Женя, надеясь, что она сейчас вынырнет и начнет звать на помощь. «Крузер» тем временем успел развернуться и, снова прорывав свой грозный боевой клич, ринулся в новую атаку. Судя по неточному «прицеливанию», водитель не видел будущую жертву, а пассажир не смог подсказать направление, маскировка Туманова была на порядок совершеннее, чем у Жени, но Виктор все равно невольно попятился, поскользнулся и, шлепнувшись на живот, съехал по глинистому обрыву к кромке воды. Не добившись результата в атаке наугад, машина резко затормо-

зила и остановилась у края трехметрового обрыва. Вопреки расчетам Туманова, размытая почва не ушла из-под колес, и вседорожник не скатился следом за своими жертвами.

Щелкнули замки дверей. Туманов поднял взгляд. Солнце, в кои-то веки прорвавшее осаду низких туч, светило врагам в спины, и сыщик видел только их силуэты. Сориентироваться помогло чутье. Слева от машины стоял крепкий, широкоплечий человек, справа Враг.

«Значит, меня точно не убили бы, – мелькнула мысль, – за рулем был человек. Но это меня. А вот для Жени, если она не вынырнет прямо сейчас, это не будет иметь никакого значения».

Человек достал оружие и дослал патрон в ствол. Намерения громилы были предельно ясны. Добить Женю, если вынырнет.

«Может, они охотятся не за мной? Но зачем им Женя? Чтобы лишить меня союзника и одновременно деморализовать? Вполне возможно. Нельзя убить, но можно нейтрализовать. Грамотный ход».

Туманов резко поднялся и в три прыжка оказался там, где до сих пор виднелись круги от падения Жени. С обрыва стукнули три подряд выстрела. Стрелял подручный врага «на слух и плюх», а потому, конечно, промазал. Две пули шлепнули по воде где-то справа, а одна прожужжала буквально над ухом. Виктор набрал воздуха и нырнул.

Дайвинг в одежде, без снаряжения и в мутной воде гряз-

новатой речушки – дело довольно противное, но Туманову было не до эстетства. Ему было даже не до врагов, жаждущих всадить пулю сыщику в голову, когда он вынырнет, – шанс, кстати, реальный, кругов на воде никто не отменял даже для Избранных. Но сейчас все мысли Туманова занимало только одно – срочно найти Женю!

«Если она выжила после удара, а это вполне возможно, ведь Хамелеоны, пусть и полукровки, крайне живучи! – надо просто не дать ей утонуть, и все будет в порядке. Не дать утонуть!»

Виктор начал энергично загребать, погружаясь все глубже. Вода стала холоднее, в ушах зазвенело до боли, но Туманов не остановился и вскоре нащупал илистое дно. Он почти ничего не видел, темно-серую муть и только, чувствовал, что его сносит течением, и это серьезно уменьшает шансы, но упорно шарил по дну, то и дело натываясь на коряги, какой-то ржавый хлам и камни. Один раз он вроде бы ухватился за что-то живое, но это оказалась здоровенная рыбина, невесть как и неизвестно откуда заплывшая в это речное захолустье.

По ощущениям Туманова поиски продлились не больше минуты, но за это время он успел основательно замерзнуть и растратить запасенный в легких кислород. Всплывать, так и не отыскав Женю, не хотелось, но утонуть из солидарности было бы глупо. Понятно, что раз ты Избранный, то рано или поздно всплывешь и оживешь, но ведь это касается исклю-

чительно себя любимого.

«А как быть с Женей? Она-то не бессмертная. Всего лишь Хамелеон-полукровка. Пока есть малейший шанс ее спасти, надо бороться!»

Виктор оттолкнулся от дна и резко пошел на всплытие. Глубина оказалась очень приличной, метров семь-восемь. Течение, как выяснилось, тоже. За минуту с лишним Туманова снесло на сотню метров, и выстрелы вражеского оружия стали ему не страшны. Впрочем, стрелять было уже некому. «Крузера» на краю обрыва не оказалось. Вполне возможно, Враг решил устроить засаду ниже по реке, но, скорее всего, его кто-то спугнул, и он временно отступил. За последнюю версию говорил тот факт, что Туманов не чувствовал запаха Врага. Сейчас вокруг пахло только рекой, лесом и автомобильными выхлопами, принесенными ветром со стороны шоссе.

Разобравшись с оперативной обстановкой, Туманов повертел головой в надежде увидеть Женю. Девушки на поверхности не было. Виктор едва сдержал нахлынувшие чувства. За что?! Что сделала хрупкая девчонка этому странному Врагу? Вряд ли он мстил ей за цеховых самоубийц, использовавших ее инстинкт гнева, чтобы свести счеты с затянувшейся жизнью. Вряд ли он ощущал к ней такое же инстинктивное чувство ненависти, какое она испытывала к бессмертным и с которым – честь ей и хвала – все-таки сумела справиться. Вряд ли он всерьез считал ее опасным бой-

цом микроскопического войска Избранного. Тогда за что? Просто чтобы досадить Туманову?

«Деморализовать, – вновь пришла мысль. – Выходит, этот Враг в курсе наших дел. Неужели это кто-то из своих? Но тогда Цех в большой опасности и, сбежав из госпиталя, я поступил по отношению к Вечным не совсем честно. С одной стороны, не дети и без меня сумеют одолеть Врага, если обнаружат. Но сумеют ли они его вычислить – вот вопрос?! Догадаются ли, что это один из них? Джонатан, конечно, хорош, но и он не семи пядей во лбу. Черт возьми, одно к одному! Чем больше распутываешь, тем отчетливее понимаешь, насколько велик клубок проблем! И насколько горькая доля быть Избранным, за которого гибнут близкие люди».

Туманов сглотнул подступивший к горлу комок, набрал воздуха и снова нырнул...

Отчетливое понимание тщетности поисков, а вместе с ним и отчаяние пришли примерно после седьмого или восьмого погружения. Вконец замерзший, предельно уставший и действительно полностью деморализованный, сыщик кое-как доплыл до противоположного, пологого берега, выполз на чахлую траву и растянулся совершенно без сил. И физических, и моральных. Незвестный Враг вчистую выиграл первый раунд новой схватки.

«Наверняка так и было задумано, – трясась от мелкого озноба, Виктор попытался сосредоточиться на чем-нибудь отвлеченном, пусть даже на тяжелых мыслях, лишь бы не

думать о холоде, пробравшемся в каждую клетку тела. – Демонстрация силы. Только непонятно – зачем? Не проще ли было сразу врезать главным калибром и решить все проблемы? Зачем усложнять, растягивать? Понятно же, что на самом деле девчонка ему была не нужна даже в качестве дичи для подмосковного сафари. Не знаю, откуда взялся и что затевает этот гад, но играть он намерен именно со мной. Теперь нет и малейших сомнений, что Цех, Хамелеоны, люди интересуют его лишь постольку поскольку. Кстати, вот здесь и может быть спрятан ответ на вопрос „зачем?“. Вернее, почему он только показал свою силу, а не убил меня. Да потому, что не время! Я не сделал чего-то, что подтвердило бы мою избранность и уверило Врага, что я именно тот, кто ему нужен. Из этого следует, что главная задача противника противоположна моей. А какая главная задача у меня? Найти путь в Вечность? Примирить бессмертных и Хамелеонов? Стать внештатным судьей при Совете Цеха? Островский ничего толком не сказал, самому догадаться пока слабо, мало фактов. И как же быть? Не узнав, чего желает Враг, не удастся его переиграть. Так и буду отдавать ему территорию, тактическую инициативу и друзей...»

От последней мысли стало тошно. Именно так: дурно и тошнливо до предела, до спазмов в желудке и горячих слез, ручьями стекающих по холодным щекам. Туманов уткнулся лицом в траву. Минут через десять стало легче. Подкативший к горлу комок исчез, а дурнота отступила.

«Любил ли я ее? Не знаю. Наверное, не успел влюбиться. Так, на уровне сильной симпатии. Но что это меняет? Все равно она была близким мне человеком. Горько, но еще больше – обидно. Обидно, что не уберег».

Туманов вяло растер руки, плечи и, запрокинув голову, подставил лицо августовскому солнышку. Согреться – и в путь. Нет, не ловить Врага и не искать цеховых союзников. В первую очередь надо закончить текущее дело, а заодно обдумать все происходящее еще раз, более трезво. А там будет видно.

Виктор с трудом поднялся и побрел вдоль берега, внимательно изучая все проплывающие мимо коряги и осматривая прибрежные заросли камыша. Найти тело Жени стало для него принципиальным вопросом, а заодно тем самым делом, которое могло подавить эмоции.

Примерно через час Туманов вышел к запруде. Речка в этом месте разливалась вширь почти до размеров настоящей реки, но после нагромождения коряг, скрепленных илом и глиной, снова входила в свое прежнее русло, правда, при этом основательно обмелев. Поверх естественным образом образовавшейся плотины предприимчивые местные жители, скорее всего из темнеющего за ближайшими деревьями поселка, бросили мостки, по которым вполне реально было перебраться на другой берег.

«Если тело Жени не зацепилось за коряги, оно обязательно должно будет приплыть сюда. – Виктор выбрал кусок топ-

ляка на берегу и уселся, подперев руками подбородок. – Сидеть, возможно, придется долго, но время у меня есть. Много времени. Да, Враг рядом, но он не нападет, если я его не спровоцирую. Поскольку он меня просто не видит. Чует – это возможно, но не видит. Так что могу зависнуть тут хоть до конца времен. Кто-то из китайских мудрецов говорил, что, если долго сидеть на берегу, можно увидеть, как мимо проплывает труп твоего врага. – Туманов скрипнул зубами. – Хотел бы я это увидеть! Но, похоже, сегодня мне суждено увидеть совсем другую картину. Как проплывает тело друга. Хорошего друга. Даже больше, чем друга...»

* * *

Нужную полку в «холодной» расторопный белобрысый санитар отыскал в один миг. Она оказалась крайней правой в нижнем ряду. На табличке значилось время поступления, и была от руки написана фамилия. Все совпадало. Джонатан кивнул, и санитар, театрально поклонившись, выдвинул длинный металлический ящик.

– Ну? – Джонатан исподлобья взглянул на санитаря.

– Чего? – тот заглянул в ящик и растерянно похлопал белесыми ресницами. – Оп-па! Покурить вышел!

– Не вижу повода для веселья, – строго сказал Вечный. – Где труп?

– Где, где... не в Караганде же, – санитар ухмыльнулся. –

Где-то здесь. Куда ему деваться? Наверное, табличку перепутали. Сейчас найду. Тут у нас всего два десятка жмуров отдыхает.

Он бодро прошелся вдоль стены с ящиками, последовательно открывая все маркированные и обязательно отпуская хотя бы короткую реплику в адрес каждого из хранящихся в камерах покойников. Джонатану показалось, что процесс даже доставляет санитару удовольствие. Неясно только, что конкретно его так воодушевляло – созерцание мертвых тел или возможность сказать человеку нечто обидное без риска получить в нос. Проверив первый «этаж», санитар взялся за второй, теперь открывая все ячейки подряд. Когда он вернулся к тому месту, где стоял Джонатан, веселья у него явно поубавилось.

– Нету! – он развел руками и растерянно улыбнулся. – Был тут, я сам его паковал... и нету.

– Ну, тогда собирайся, – спокойно заявил Джонатан. – Ты паковал, с тебя и спрос.

– Почему это?! – возмутился санитар. – Может, его родным отдали! Я тут при чем? Я ни при чем! Чего сразу – собирайся?!

– Родным? Без вскрытия? – Джонатан навис над санитаром живой скалой, и тот невольно втянул голову в плечи. – Разве можно отдавать без вскрытия тело с пулей в башке? Это же криминал.

– Ну а я при чем?! – Санитара затрясло. – Это врача про-

кол! Его вяжите, а мое дело телячье – принеси, подай, пошел на...

– Стоп! – Джонатан поднял руку. – Угомонись. Скажешь, кто забрал тело, – отпущу на все четыре стороны, а будешь и дальше дуру гнать – закрою вместе с доктором. Все понятно?

– Я не при делах, гражданин начальник, вот вам крест! – санитар перекрестился явно впервые в жизни – слева направо. – Чтоб мне на полку лечь вместо жмура сбежавшего!

– Сбежавшего? – Джонатана вдруг ощутимо кольнуло некое предчувствие. Он взглянул на часы, затем схватил санитару за лацканы халата и резко прижал к стене. – Слушай сюда, некрофил вонючий. Сейчас половина первого. У вас обед, да?

– Да, – сдавленно прохрипел санитар. – С часу обычно.

– Пойдешь обедать прямо сейчас и не вернешься сюда до трех, понял? Если доктор вскрытие надумает делать...

– Не раньше чем завтра, – хрипло перебил санитар. – Сегодня у него еще четыре жмура на очереди. А он один, остальные доктора в отпуске. Зашивается.

– Вот и отлично. Значит, вообще до завтра эту ячейку не открывать, ясно? Ни под каким предлогом, никому.

– А если ваши сюда... заглянут.

– Наши не заглянут. – Джонатан отпустил санитару и тот, потирая шею, сполз по стенке. – А заглянут менты, скажешь, что ФСБ ящик опечатало.

– А вы опечатаете?

– Нет. Но ты скажешь именно так, если хочешь выбраться сухим из воды. Вот тебе на обед.

Он бросил санитару крупную купюру и отряхнул руки, будто от грязи.

– Благодарствуйте, – санитар торопливо спрятал деньги в карман.

– Раскроешь рот до завтра – считай... жмур, – напоследок предупредил Джонатан.

– У, – санитар вытянул губы и зажал их сразу всеми пальцами.

– Паяц-извращенец... Тупиковая ветвь – люди. Вид без будущего, – Джонатан покачал головой и вышел из «холодной».

Джонатана почти не удивило, что в морге не оказалось тела. В новых обстоятельствах и следовало ожидать чего-то подобного. Пружина нового противостояния закручивалась все туже, и тот, кто крутил заводной ключик, пока не собирался комментировать происходящее, предоставляя бескрайний простор для фантазии всем желающим поразмыслить на эту тему.

«А вот когда пружина разожмется, увернуться сумеет лишь тот, кто угадал направление удара. Остальным придется несладко».

Джонатан забрался в свой «Тахо», запустил двигатель, но с места не тронулся. Уколовшее в «холодной» предчувствие озарения никак не давало сосредоточиться на чем-то, кроме

размышлений о растущем, как снежный ком, сгустке странных обстоятельств.

«Допустим, наш новый враг выкрал тело Хамелеона, чтобы сбить Цех с толку. Но зачем ему было вообще убивать потенциального союзника? Разумнее было бы продолжить прежнюю игру, используя Хамелеона как марионетку. Ведь этот парень был весьма неплох. Столько Вечных за несколько месяцев не удавалось уничтожить ни одному Хамелеону в истории. В чем же тут подвох? Имеется, конечно, вариант номер два: Хамелеон и есть Враг, и он зачем-то симитировал свою смерть. Помнится, по части фокусов Храмовников-младший был подкован весьма неплохо. Особенно по части маскировки. И невидимкой мог стать, и запах заблокировать, и своим инстинктом гнева более-менее умел управлять. Мог выдумать и новую хитрость, почему нет? Только зачем? Чтобы обмануть Цех? Но ведь мы и так потеряли его из вида. Боялся, что все равно найдем? Но тогда ему следовало продумать операцию хотя бы на пару шагов вперед. Например, подсунуть в морг какое-нибудь тело вместо своего. Неужели он надеялся, что мы не проверим информацию Федотова? Кроме того, версия „Хамелеон – Враг“ не вписывается в новейшую историю по времени. Майор звонил прямо отсюда, стоя рядом с телом. Хамелеон не мог быть одновременно в „холодной“ и в лесу рядом с больницей. А вот если Враг – это кто-то другой, кражу тела он мог заказать наемникам, эта версия реальнее. Но опять же – зачем? Зачем бы-

ло его убивать, „светить“ перед всем миром, а затем красть почти из-под носа у офицера ФСБ, который, что еще более важно, одновременно начальник СБ Цеха бессмертных?»

Нет, все пришедшие в голову версии были явно слабыми, а потому ничего толком не объясняли. Оставалось придержанное Джонатаном на десерт предчувствие озарения. Что так резануло слух? Какое слово в речи испуганного санитаря показалось особенно неуместным? Джонатан припомнил слова медика.

«Чтоб мне на полку лечь вместо жмура сбежавшего!»

«Вот! Именно – сбежавшего».

Новая версия на первый взгляд казалась такой же слабой, как и предыдущая, но что-то в ней было... достоверное, несмотря на всю фантастичность. Особенно после случая с Тумановым и цепи прочих странных метаморфоз, постигших Вечных.

«Все-таки, а что, если Хамелеон ушел на своих двоих? Только не потому, что врачи ошиблись и приняли его за мертвеца. Имитация имитацией, но не с дырой в затылке. Это в голливудских фильмах приклеивают латексную аппликацию и обманывают всех и вся, в жизни все проще. Склонился врач „Скорой“ над бездыханным телом, сунул палец в раневую канал и только после этого констатировал: *exitus letalis*, что в переводе означает «готов». Грим в такой ситуации не поможет. Как тогда Храмовников мог встать и уйти? Так же, как это сделал Туманов? Так не должно быть,

ведь Туманов вернулся потому, что Избранный, но кто это сказал? Мастера Цеха? И на основании чего они сделали такой вывод? На основании того, что Туманов вернулся, и это полностью соответствовало предсказаниям древних легенд? На самом деле это могло оказаться совпадением, и сыщик никакой не Избранный, а просто редкостный везунчик. Но пусть даже мастера правы, пусть все предсказанное в легенде об Избранном Вечном сбывается в реальности, кто сказал, что Избранный должен быть только один? Почему бы не появиться еще одному? Рас ведь две, вполне логично предположить, что у каждой должен быть свой мессия. В принципе, Храмовников на роль Избранного Хамелеона вполне подходит. Оппонент Туманову он достойный: сильный, хитрый, опытный».

Джонатан еще разок прокрутил в голове основные аргументы и разочарованно вздохнул.

«Версия интересная, но все равно это лишь гадание на кофейной гуще. И гадать можно бесконечно. Без проверки ничего не понять. А лучшая проверка – это что? Правильно, провокация».

Джонатан вынул из бардачка компактный компьютер и на некоторое время погрузился в виртуальность Сети. Через несколько минут ориентировка на В.А. Храмовникова была официально отправлена всем заинтересованным службам. Чтобы не возникли вопросы у тех, кто в курсе, что разыскиваемый преступник давно остыл, Джонатан поставил вче-

рашнюю дату. Ориентировка якобы запоздала, но отменить пока не дошли руки.

«На сутки стодится, а там будет видно».

Джонатан спрятал комп и включил передачу, но тут же вернул рычаг в положение «парковка». Уезжать на поиски Врага или сбежавшего мертвеца не было смысла. Кто-то из них находился рядом. Джонатан почувствовал запах чужака, даже не выходя из машины.

«Враг? Нет, что-то в этом запахе не то. Во всяком случае, это не тот Враг, который был в лесу. Неужели их двое? Или даже больше? Или это все-таки запах воскресшего Хамелеона? Но раньше от Хамелеона не веяло бессмертным, даже на ту малую толику, какая присутствует в этом запахе. С другой стороны, в первой жизни он тоже был особо талантлив, мог маскировать свой запах настолько, что казался обычным человеком. Так почему бы ему сейчас не сымитировать запах того, кто его убил? Зачем? Да чтобы дать наводку Цеху и таким образом отомстить Врагу за обиду. Храмовников понимает, что в одиночку с таким монстром ему не справиться, но напрямую помогать бессмертным не позволяет гордость, а так – и овцы не внакладе, и волки удовлетворены».

Джонатан поколебался еще несколько секунд и решил проверить заодно и эту тему.

«Вот только как ее проверить? Как? Да все так же!»

Джонатан снова порылся в бардачке и наскоро собрал своего рода посылку со скрытым смыслом.

Выйдя из машины, он медленно, держа руки на виду, прошел в маленький скверик и оставил пакет под единственной скамеечкой. Все, что оставалось теперь, – уехать и, выпив чашечку кофе где-нибудь в кварталах в десяти от тайника, вернуться и забрать ответное послание. Если таковое тут появится.

«Ничего не потеряю, точно. Если я ошибаюсь, если в кустах прячется Враг, ничего страшного не случится. Особой пользы от содержимого пакета он не получит. А если я прав... глядишь, удастся что-нибудь приобрести. Союзника не союзника, но хотя бы врага нашего Врага. А это, как известно, практически друг».

Кофе в ближайшей забегаловке варили так себе, но Джонатан заставил себя неторопливо выпить пару чашек, полистал глянцевого журнала, выдержал паузу и отправился обратно в скверик у прозекторской. Пакета под скамейкой не было. Пальцы нащупали только скомканный клочок бумаги. Джонатан сунул бумажку в карман и вернулся в машину. Исходивший от бумажки запах не оставлял сомнений. В скверике побывал не Враг, а именно Хамелеон, и записку (если, конечно, это была записка) оставил он.

Прежде чем развернуть бумажку, Джонатан медленно обвел взглядом окрестности. Ничего подозрительного он не увидел. Да он и не надеялся что-либо увидеть. Оглянулся скорее по многолетней шпионской привычке.

«Итак... – Джонатан развернул бумажку. – Момент исти-

ны, однако. Выходит, я верно прокачал ситуацию. Это был Храмовников, живой и невредимый. И он принял мое предложение».

В записке гелевой ручкой были нацарапаны несколько цифр и проставлены инициалы: «1.700.06. 08. 35. Х.В.А.» Смысл послания был ясен как солнечный день. Хамелеон принял условия Вечного и предлагал встретиться для обсуждения деталей завтра, шестого августа в семь утра на тридцать пятом километре МКАД (местечко памятное и удобное), но с одним условием – работать он согласен исключительно с Джонатаном. Об этом свидетельствовала первая цифра в буквенно-числовом ряду.

Условие было приемлемым. Джонатан спрятал записку и задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику. Удовлетворение от собственной прозорливости сменилось нешуточным беспокойством.

«Если Хамелеон вернулся потому, что он Избранный для своей расы, это усложняет дело. На первый взгляд кажется, что нам повезло, что неожиданный сильный союзник появился очень даже вовремя. Но в действительности все гораздо сложнее. Мало того, что после победы нашей коалиции над Врагом Цеху придется снова начать войну против Хамелеона и, учитывая его новые способности, неизвестно, чем эта война закончится, непонятно еще и почему все так сложилось. А что, если возвращение Хамелеона – это какой-то знак, послание от Вечности и пока мы не разгадаем его смысл, Врага

нам не победить? Ведь известно, что в мире нет случайностей и совпадений. В любых, казалось бы, случайных событиях присутствует логика, только не всем дано ее уловить».

Понять логику Вечности вот так, с ходу, не получалось, но Джонатан не расстроился. В природе существовало еще одно золотое правило, пользоваться которым бессмертные никогда не отказывались. Все в ней происходило, когда для этого созревала ситуация, суетись не суетись. Понимание логики Вечности, приславшей в реальность не одного, а сразу трех Избранных – Враг, судя по всему, тоже из этой породы, – придет, никуда не денется, поэтому разумнее всего не отвлекаться и продолжать свою игру. Тем более что началась она успешно и сразу с двух направлений. В переданном Хамелеону пакете было оружие, «ПМ» с запасным магазином, короткая ориентировка на Врага и деньги. Но главное – у Джонатана и его союзника имелось серьезное преимущество. Они знали, что Хамелеон жив, а Враг – нет.

«Конечно, если Вечность не подкинет новый сюрприз и не сообщит Врагу, что сделала исключение из своих же правил и оживила Хамелеона».

Джонатан вновь включил «драйв» и... снова остался на месте. Зазвонил телефон, и он, как законопослушный водитель, ответил на звонок, не двигаясь с места. На связи был майор Федотов.

– Что за ерунда, разведка? – начал он без предисловий. – Ориентировка на покойника?

– Ты о чем?

– На Храмовникова ты ориентировку давал?

– А-а, было. Вчера. А что, только сейчас довели? Ну, считай, запоздала. Ты же знаешь, как бывает. Пока завизировали, пока разослали, приняли к сведению. В некоторых известных конторах расторопность в делах считается дурным тоном.

– А говорят, что с трупом какие-то проблемы, вроде как исчез, нет?

«А в сплетнях дурной тон – промедление, – мысленно усмехнулся Джонатан. – Федотовские дятлы стучат, как хорошие радисты, десять знаков в секунду. Интересно, кто у него на прикорме? Санитар-некрофил? Сто процентов – он. Такие хмыри – первые кандидаты в стукачи».

– Нет, – на ходу скорректировал версию прикрытия Джонатан. – Я перевез его в другую прозекторскую. В этой – очередь на вскрытие и персонал ненадежный, на язык слабоват. Все нормально.

– Нормально? – переспросил Федотов с явным сомнением. – Ну ладно. Что-то ты крутишь, разведка, это факт, но я надеюсь, это не имеет отношения к нашим общим делам.

– Не имеет, майор, – не стал больше юлить Джонатан. – Наши с тобой дела – не единственная моя головная боль, уж поверь...

...Пока Джонатан проверял в морге информацию Федотова, бригадир Островский тоже не терял времени понапрас-

ну. Версия Джонатана о метисе (про себя бригадир почему-то называл его мутантом, наверное, так было страшнее) настолько поразила Островского, что план дальнейших действий пришел ему в голову сам собой. Из множества укоренившихся за века привычек сейчас наиболее полезной оказалась привычка смотреть в корень проблемы, а как известно, лучшим местом, где можно откопать любой корнеплод, является овощехранилище. В случае с корнями странных происшествий таким складом являлся архив. Естественно, не государственный, а цеховой. Где, как не там, хранилась информация обо всем, что происходило с бессмертными за долгие века? Причем информация достоверная, без идеологических прикрас или вымарываний, которыми грешат человеческие архивы.

Встретившая Островского хранительница архива была, как всегда, обаятельна и любезна. Ее Оптимум наступил в самом расцвете, примерно около сорока, что позволяло ей одновременно блистать не увядшей к тому моменту красотой и пользоваться шармом зрелой дамы. За все время своей непыльной, но ответственной работы (а служила в архиве она уже лет триста) хранительница никогда не отказывала уважаемому Всеволоду Семеновичу ни в чем, даже, наоборот, иногда позволяла взглянуть на документы особой секретности, доступ к которым имели исключительно мастера и Смотрители. Причина такого особого отношения была банальна: когда-то давно, еще во времена Империи, между оча-

ровательной Натальей Августовной и статским советником Островским имел место бурный роман, с течением времени переросший в нежнейшую дружбу с редкими ностальгическими встречами в будуаре архивной дамы.

Казалось бы, финал романа редкий, ведь люди чаще расстаются проблемно, с взаимными упреками, но, если взглянуть с точки зрения бессмертного, – обычный. За долгие века любые чувства перековываются не один раз, и соперники нередко становятся лучшими друзьями, любовники – врагами, а затем снова любовниками, и так далее. Вопрос времени, которого у Вечных вполне достаточно. А если встречаться редко, сохраняя взаимную симпатию и память о лучших деньках, сложившиеся хорошие отношения можно и заморозить. Тем более если интересы и амбиции бывших любовников не вступают в противоречие.

С Натальей Августовной Островскому делить было абсолютно нечего, поэтому встречались они каждый раз как добрые друзья.

Сегодняшняя встреча началась, как обычно, с легкого поцелуя, пятиминутного воркования обо всем и ни о чем, витиеватого выяснения причин столь неожиданного визита и неизменного «Могу ли я тебе отказать, милый Сева...» с последующим кокетливым выстрелом глазками. Все как всегда. Но только до того момента, когда «милый Сева» в общих чертах объяснил, что конкретно ищет. Что произошло вдруг с очаровательной Натали, бригадир понял, только по-

кинув архив. Да и то понял лишь половину – только то, что странная и почти фантастичная версия о существовании неуценного Цехом метиса вызывает у давней подруги довольно сильную и подозрительно резкую реакцию.

Поначалу Островский решил, что Наталью Августовну возмутила сама мысль о возможности существования такого «экземпляра». Что и говорить, сочетание «Вечный Хамелеон» – даже звучит кощунственно, а если представить, что такой монстр существует, возмущение будет единственно возможной и абсолютно естественной реакцией. Но когда верная и преданная Натали вместо живого участия в делах старого друга проявила полнейшее равнодушие, можно даже сказать саботировала его исследования, самоустранившись от поиска упоминаний о чем-то подобном в бесчисленных каталогах, Всеволод заподозрил, что дело не в возмущении. Натали определенно что-то знала по интересующей бригады теме, но либо ей строго-настрого запретили говорить об этом члены Совета, либо у нее имелись другие не менее веские причины.

Островский не осуждал подругу. Единственное, чего он не понял, почему она сразу не намекнула на гриф «Абсолютно секретно». Зачем было впускать Всеволода в «закрома» и заставлять его тратить время и нервные клетки на поиск того, чего он не мог найти ни при каких условиях? Боялась обидеть? Так она больше обидела его своим молчанием.

В общем, поход в архив закончился сплошным расстрой-

ством. Выяснение, не было ли в истории Цеха подобного прецедента или хотя бы подозрительных намеков на близкие контакты Вечных и Хамелеонов, провалилось, причем с громким треском. И звук этот издали отношения с Натали.

«Обидно, черт возьми! Зачем она так поступила? И вообще, как-то она сразу скисла, начала нервничать. В чем тут загвоздка? Кто-то основательно припугнул? Будь я Джонатаном, обязательно взял бы Натали на заметку. Или, как говорят в некоторых кругах, – на карандаш. Странная история...»

Странная не странная, а все, что оставалось Островскому, – это вернуться к тому, с чего начал. Немного поразмыслив, бригадир поднялся из архива на минус первый этаж, где располагалась офисная парковка, уселся в свой «Континенталь» и отправился домой. Его личный архив, возможно, был не столь обширен, как цеховой, но зато, кроме документов и подтвержденных свидетельств, в нем хранилась еще и целая коллекция скользких фактов. Что-то из этих исторических деталей было не проверено, что-то не имело (а что-то и не могло иметь) фактического подтверждения, но в целом они были возможны или логичны, а потому не вызывали у Островского сомнений в подлинности. Иначе он их не хранил бы.

Порция виски со льдом и удобное кожаное кресло в любимом кабинете создавали для пытливого анализа самую подходящую атмосферу. Обычно этого хватало, чтобы сосредото-

точиться, но сегодня взглянуть на старые, многократно изученные факты требовалось под новым углом, и бригадир решил эту атмосферу сгустить. Он закрыл жалюзи, выключил телефон, затем немного подумал и заменил виски бокалом легкого вина.

«Это Мартов готов день и ночь посасывать свой любимый коньяк, а мне нужна ясная голова. Тем более для такой необычной работы. Итак...»

Первая зацепка обнаружилась к исходу второго часа праведных трудов.

Раньше Островский воспринимал так называемый «Сайгонский инцидент» как один из досаднейших, но вполне тривиальных проколов цеховой Службы безопасности и, откровенно говоря, не понимал, почему дело не было расследовано по всем правилам, а попало в разряд глухих, то есть не доведенных до конца из-за невозможности найти достоверные улики или живых свидетелей. «Сайгонским инцидентом» занимались весьма толковые службисты, фактов и свидетелей было предостаточно, но дело все равно легло на архивную полку. И это притом, что расследовалась не какая-нибудь кража риса на сайгонском рынке, а убийство Хамелеоном двоих Вечных!

Повертев тему так и этак, а затем в очередной раз пролистав хорошо знакомые копии архивных документов, Островский включил телефон и набрал номер Джонатана.

– Ты закончил свое опознание?

– Можно сказать, и так, – Джонатан почему-то усмехнулся.

– Приезжай ко мне, кажется, есть след.

– Отлично, бригадир, буду через полчаса.

Островский дал отбой, а затем снова набрал номер, на этот раз Мартова. После истории с Тумановым, когда адвокат оказался в довольно щекотливом положении, практически выступив в роли невольного пособника Хамелеона, бригадир старался не привлекать его к делам, отчего обиженный Мартов не просыхал вторые сутки. Но сейчас без него было не обойтись.

Адвокат ответил не сразу. Он был изрядно пьян, но мысль уловил и от приглашения не отказался. Как и Джонатан, он пообещал явиться через полчаса и бросил трубку.

Особой радости от того, что снова востребован, он не выразил, но это была рисовка, без сомнений. Бригадир знал своенравного и упрямого адвоката не первое десятилетие. Мартова частенько заносило, он вечно упорствовал в своих заблуждениях, но когда его личный курс совпадал с общим курсом Цеха или хотя бы бригады, в которой он в данный момент трудился, адвокат становился весьма толковым, достаточно проникательным, а потому довольно ценным кадром. Жаль, что чаще всего Мартова именно заносило и он начинал качать права.

«Будь я мастером, давно наказал бы адвоката... повышением. Произвел бы в бригадиры, дал полный штат и особо

трудное задание. Андрей ведь не с жиру бесится и не от глупости природной, голова у него хорошая. Амбиции в нем кипят, обида. Думает, что недооценивают его. Очень даже можно понять человека. Ведь недооценивают – это хуже, чем недоплачивают. А уж для таких, как Мартов, это вообще вялотекущая катастрофа».

За размышлениями и очередным бокалом вина тридцать минут вынужденной паузы пролетели незаметно. Первым, как и следовало ожидать, прибыл Джонатан. Если честно, бригадир на это и рассчитывал.

– Есть новости? – предлагая будущему Смотрителю расположиться в кресле, спросил Островский.

– Есть, но сначала вы. – Джонатан жестом отказался от предложенного вина.

– Я, – бригадир кивнул. – Хорошо. Я раскопал довольно занятную историю всего-то сорокалетней давности, причем живой свидетель будет здесь с минуты на минуту. Естественно, история относится к нашей текущей теме, как я тебе и обещал по телефону.

– Заинтриговали, – Джонатан подпер кулаком подбородок. – Я весь внимание, бригадир.

– Ты наверняка припомнишь эту историю, если напряжешься. Во время одной локальной войны в тылу противника действовал отряд, в котором работал военный советник из Союза. На самом деле это был Хамелеон. А в лагере противника трудились двое Вечных. Учув врага, они убедили

начальство обработать местность химикатом «agent orange» и провести рейд, но результата не добились.

– И тогда была проведена обработка базы партизанского отряда напалмом, – Джонатан кивнул. – Действительно припоминаю. Вьетнам, семьдесят второй год прошлого века. В огне погибли все без исключения партизаны, был среди прочих и труп белого чужака. Но вскоре командовавших операцией Вечных нашли мертвыми в Сайгоне. Цех решил, что Хамелеонов было двое, но тщательные поиски второго ни к чему не привели.

– Именно так все и было, – согласился Островский. – А поисками командовал мистер Энди Марч, который сейчас едет сюда.

– Все понятно, – Джонатан снова кивнул. – Кроме одного – что вы увидели странного в этой истории? Хамелеон или Хамелеоны сделали свое грязное дело и растворились. Все в рамках. Даже то, что они работали группой. Такое случается редко, но случается.

– Кое-что странное в истории все-таки имеется, Джонатан. В первую очередь это отчеты мистера Энди Марча. В первом он уверенно докладывал, что взял след и даже почти вошел с врагом в контакт, во втором он утверждал, что враг недосыгаем, а в третьем – что его не существовало вовсе. Вот такой разброс. От за здравие до за упокой. Не странно ли?

– Да, есть такое дело. Но ведь двое Вечных погибли. Каким образом?

– Этот вопрос задали и мастера. Ничего вразумительно-го Мартов не ответил. Наплел каких-то небылиц и попросил отвода. Его перевели на другой участок, а невнятный отчет номер четыре даже не стали прилагать к делу. После Мартова в Сайгоне работал я, но к тому моменту все следы безнадежно остыли, и дело было прикрыто.

– Замяли для ясности, – Джонатан усмехнулся. – Узнаю мастерский почерк. Кто командовал в то время юго-восточным отделением? Не Чесноков, случайно?

– Нет, отделение Цеха уже тогда возглавлял мастер Тонг. Но курировал расследование Шуйский.

– А вот на него не похоже. Он был настойчив в таких делах до упрямства. Странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.